

МИР СЕРОЙ
НОЩИ

А

Кирнос С.В.

Восхождение к власти
противостояние

2019

Степан Кирнос

**Восхождение к власти:
противостояние**

«Автор»

2019

Кирнос С. В.

Восхождение к власти: противостояние / С. В. Кирнос —
«Автор», 2019

Империя содрогнулась и пошатнулась после "революции", но не пала. Магистр Данте, прошедший ад воин прошлого, проливший кровь во имя страны и отдавший самое дорогое, вынужден пойти против неё. Его цель - спасти граждан от безумия нового правителя. Тот, кто раньше бился за славу и жизнь своей страны, родины, стал ренегатом, злобным врагом, которого нужно уничтожить. За ним идёт беспрестанная охота, друзей практически не осталось. Где он станет искать надежду, если её свет практически заглушен сгущающимся сумраком? Несмотря на это, Данте пойдёт на всё, чтобы выжить и преуспеть в деле спасения родного дома от фанатика. Ему придётся выступить с горсткой храбрецов против легионов "Канцлера", но он готов пойти на это? Готов ли жертвовать людьми с холодной и бесстрастной логикой? Фигуры на "игральной" доске расставлены, расклад сил ясен и вот-вот начнется партия.

© Кирнос С. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Часть первая. Надежда во мраке	10
Глава первая. Рассеянные братья	10
Глава вторая. Загнанные в угол	18
Глава третья. Магистр Данте	26
Глава четвёртая. Тетрархия объединённая	31
Глава пятая. Златая нить в ночи	36
Глава шестая. Дела сердечные	41
Глава седьмая. По слову Имама	45
Глава восьмая. Султан милостивый	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Степан Кирнос

Восхождение к власти: противостояние

Предисловие

Эта книга часть литературной вселенной «Мир серой ночи».

Случилось то, что никто не мог предположить – в стране произошёл государственный переворот, но его истинная сущность намного дальше от смены системы, скорее это торжество старой зависти и алчности, нашедшие воплощение в новом правителе. В Рейхе теперь иная власть, которая мнит себя более праведной, и стремиться избавиться от всякого свидетеля не совсем честного переворота.

После «революции» в имперском обществе не произошло никаких изменений, только сильнее стали закручиваться гайки государственного механизма, стремящегося взять под контроль всё, до чего можно дотянуться. Отступникам, грешникам и диссидентам нет места в мире, который после глобальных преобразований остался таким же. Культ Государства всё так же без устали карает всех изменников – богатых и нищих, виновных и невинных. Правительство упивается контролем над населением, диктуя ему десятки лет праведный порядок жизни. Всюду начинаются религиозные и идеологические чистки, а костры Святой Инквизиции разгораются с новой силой, ласковым прикосновением жаркого пламени выжигая ересь, только помимо преступников на кострище суждено взойти и тем, кто остался верен прежнему правителю. Больше всего новую власть, выкованную по старым лекалам, волнуют те, кто может составить реальную угрозу «непрочному» правлению, из-за тех знаний, которые они несут.

Для Данте, «господина ледяное сердце», для человека, который пережил катарсис, это станет новым испытанием на верность стране. Вместе с ним несколько человек знают истинную сущность переворота и не собираются оставлять свершённое просто так. Всех собак спустили на тех, кто ещё недавно был верен своему отечеству, а теперь вынужден прятаться, как тараканы, чтобы не быть убиенными. Магистр Данте, ради спасения родины, вынужден встать на сторону мятежников. Тот, кто спасал Рейх от великого мятежа Фемистокла, идёт против верховной власти Империи, но во имя стабильности и обычных людей. Холодный расчёт и ледяное сердце он противопоставит горячему безумию и фанатизму. Теперь надежда на спасение жизней миллионов и всей страны находятся в руках горстки людей, объявленных преступниками и ренегатами.

«И тот, кто ищет, тот всегда найдёт».

– Евангелие от Луки 10:11.

«Люди, обуреваемые страхами и неуверенностью, сами себя покрывают мраком, который ложится на душу и не даёт увидеть свет истины, несущий надежду».

– Сарагон Мальтийский философ-пророк времён Великой Европейской Ночи.

«Пусть мысли ваши будут ясными и цели осознанными, тогда вы всегда сможете найти, то, что действительно ищете, то, в чём истинно нуждаетесь».

– Ламес Иллирийский.

«Всё находится во власти обстоятельств. Когда вокруг спокойно, то и дух человека будет умиротворён, но если мир в огне и вокруг пылает кризис, то человеческие души уходят во

власть эмоциональных бурь. Однако парадокс в том, что все упадки, декадентство и кризисы рождаются душевными бурями самых важных и влиятельных людей. И вот от этого человечество не придумало систему сдержек и противовесов».

– Сарагон Мальтийский.

Пролог

Милан. День.

Идёт пробирающий до костей ледяной прохладой дождь, утопивший город в саване холода и влаги. По коже любого могли пробежать уколы нагнетающего хлада, забивающиеся под одежду, которая слабо спасает от природного укола морозом. Печально, словно рыдая, завывает лютый ветер, что поднимает мелкий мусор в полёт и закручивает его в вихре воздушных потоков. Серая плачущая небесная твердь только и взывает к отчаянию, которое ползёт по городу душевной хандрой.

Среди стройных однотипных и бесцветных домов, что собрались в новом районе, пространство заполнили бесконечные патрули, состоящие из полицейских или уличных комиссаров. Их единственной задачей стала поимка или арест любого, кто прилюдно усомнится или оскорбит установившееся правление Архиканцлера. «Никто не посмеет плюнуть на освящённую Богом и народом новую власть, что понесёт свет праведности и истины» – как выразился новый глава государства, когда издавал указ о поимке всех «политически нестабильных и угрожающих стабильности Автократорства Рейх».

Никто не смел встать у полиции, комиссаров или слуг Церкви на пути или чем-то перечить, если поступит от них какое-либо требование, ибо они, длань нового правителя без жалости, без страха или сожаления истребляют любого, кто посмеет им перечить.

Среди вихрей ветра и сдавливающих пространство домов бродят бесконечные своры чиновников из различных управлений нового Все-министерства, которое теперь обязано держать под тотальным контролем всё общество, вплоть до самого маленького его фрагмента. Никто не может уйти от министерского взора или контроля, ибо оно пытается управлять на улицах всем: от поведения людей на дороге, до того, как человек совершит покупку и выразит благодарность тому, что благодаря Архиканцлеру он может что-то приобрести. И всё это делается для того, чтобы поддержать стабильность и привнести любовь к правителю, что «был благословлён Господом на собственное правление», как в самодовольстве новый властелин юга Европы считает.

Улицы и проспекты, дома и магазины стали не единственным местом контроля нового органа управления, ибо власть тоталитарная стремится контролировать всё, до чего дотянется её «око». Слуги Автократорства оказались везде: от слежки за канализационными стоками до управления жизнью города и всех его мелочей.

Служба Внутренней Разведки, под видом доброжелательных граждан, рыскала повсюду, в поисках тех, «кто, под овечьей шкурой, ведёт сокрытую жизнь сопротивленца новому священному правлению». Никто не сможет уйти от взора этих агентов, проводя последние минуты жизни в мыслях, что суровое и безжалостное правосудие Рейха их никогда не настигнет.

Помимо чиновников, стражей порядка и агентов оказалось ещё множество людей, провозглашавших себя сторонниками «нового посланника Божьего». Этими гражданами оказались, прежде всего, слуги Христианской Конгрегации Праведной Веры. Тысячи священников проводили службы у монументов-часовен, посвящённых Архиканцлеру, стараясь в своих таинствах вымолить у Бога благословение на его правление, а ещё десятки тысяч клириков и миллионы граждан готовили крестный ход, дабы восславить «нового отца, который принесёт праведность и спасёт грешные души».

Однако на этом волна фанатизма не кончалась. По улицам в серых, без знаков различия, рясах ходят люди, похожие на монахов и ведущие страстную проповедь о том, что необходимо неукоснительно почитать собственную страну и государство. Каждого «монаха» окружает по трое солдат, вооружённых старыми автоматами или даже архаичными винтовками. И те, кто

выразят непочтение «монаху» тут же подвергались расстрелу, естественно после заполнения соответствующего протокола. Без всякого сомнения, это члены Великой Конгрегации Веры в Государство, которые так же ревностно и с фанатизмом насаждает повсюду веру в Архиканцлера и Государство, как в священные институты, единственно способные к дарованию истин.

Что ж, это всё тот Рейх, что и несколькими днями ранее, в своём новом облики и никак не изменившийся с поры той самой «Революции», о которой мало кто знает и практически никто из нескольких сотен миллионов граждан не узнает.

Посреди всего «марша праведности» выделяется один человек, что подобно тени пробирается сквозь толпы священников, чиновников, уличных комиссаров и полицейских, что монолитными толпами исполняют столь старую цель нового правления. Этот человек облачился во всё чёрное. Кофта с широким капюшоном цвета ночи покрывает хорошие джинсовые штаны, под которыми на ногах прекрасно уместились остроконечные туфли.

Незнакомец аккуратно, как старый лис, проходит среди бетонных холодных стен и фанатично пламенных людских масс, оставаясь незамеченным, словно ночной призрак, который никому не виден. Ни слуги церкви, ни Конгрегации, никто почему-то даже не подходит к странному гражданину. Судя по всему, их устраивает мрачная одежда, наполненная отсутствием веселья и «праздной любви к яркости», как говорили священники. Слившись невзрачностью и серостью, безличием и мрачностью можно сойти со своего в стране абсолютного тоталитаризма.

Человек, облачённый в чёрное, увидев впереди усиленный и смешанный патруль, свернул с главной улицы и быстро скрылся в подворотне, не желая понапрасну испытывать судьбу. Гражданин, сориентировавшись на местности, понял, что совсем немного осталось до места назначения. Оставалось буквально пара кварталов, но все они кишели новым священническим слоем в иерархии – «гражданские министранты». Это люди из обычных граждан, что поступили на службу Церкви. Их единственной задачей оказалась банальная слежка за всеми, выявление признаков ереси, скрытого религиозного неповиновения и подача сообщения о подозрительных признаках возможного неповиновения.

Гражданин в чёрном одеянии подошёл к одному из «серых исполинов», что стоит в ряд с собственными бетонными безликими собратьями и образует нераздельную и безликую стену домов, так и желающих проломить сознание любого человека, сделав его таким же тусклым. Загадочный человек достал пластиковую карточку и прикладывает её к специальному замку, что чёрной пластиной красовался на массивной тёмной двери. И в это же мгновение прозвучал истошный писк, после чего тяжёлая преграда медленно приоткрылась. Понадобилось немало сил, чтобы её открыть и настолько аккуратно закрыть, дабы не раздался жуткий гул.

– Принесла? – послышался вопрос, наполненный эмоциональным и интонационным холодом, от которого пробирала дрожь, ползущая стужей по душе.

– Вы же сказали, что будете ждать в квартире, – прозвучало уточнение, преисполненное нотками удивления.

– Нет времени. За каждой квартирой в этом доме пытаются следить министранты. Кто-то здесь был обличён в ереси, поэтому такое внимание.

От голоса мужчины исходил безэмоциональный хлад, спешивший наполнить разум любого морозом общения.

– Да.

– Тогда давай.

Человек снял капюшон и на тусклый холодный свет, исходящий только от старых диодных ламп в подъезде, показался прекрасный и изумительный лик. Короткие чёрные волосы девушки едва ли касаются плеч, слегка дотягиваясь до кофты. Лицо своими очертаниями напоминает овал, с выделяющимися гранями, которые можно было охарактеризовать только как

«прекрасные»: весьма аккуратный худой нос, серые, словно посеребрённая сталь глаза и тонкие бледные губы.

Девушка опускает в карман худую ладонь, вынимает оттуда бумажный свёрток, сжатый в тонких пальцах, и передаёт его высокому мужчине, облачённому в только чёрные, как непроницаемая ночь, одеяния, от которых даже свет не отталкивался. Он спешно схватил свёрток и так же холодно пояснил суть следующего задания:

– Тебе необходимо найти бывшего Верховного Инквизитора Карамазова. Я знаю, что он прячется где-то в этом городе. – Последние слова чуть было не пропали в безумном кличе, что донёсся сверху: «Именем Христианской Конгрегации Праведной Веры, оставайтесь на месте».

– Будет исполнено, Магистр Данте, – скоротечно сказала девушка и скрылась прочь.

Часть первая. Надежда во мраке

Глава первая. Рассеянные братья

Спустя два дня. Милан.

Стоит мрачная и серая погода, которая предзнаменовала наступление тяжелой и холодной зимы, что скуёт ледяным поветрием весь север бывшей Италии. В это время люди запасаются тёплыми вещами, а новообразованные управления: «Коммунального обслуживания», «Подачи горячей воды» и «Надзора за температурой в помещениях», начнут тотальную и масштабную подготовку к холодному сезону. А раньше, до Великой Континентальной Ночи в этих краях, даже когда далеко на севере стоял лютый мороз, было весьма тепло. Но всё изменилось после ожесточённой войны между Рейхом и Либеральной Капиталистической Республикой, когда при полной своей ярости схлестнулись в жестокой бойне два абсолюта, да с таким остервенением, что чуть Альпы не были обращены в горную пыль. Однако погодные изменения на эту землю пришли ещё раньше, в ту эпоху, когда человеческая цивилизация канула в беспросветную тьму кризиса.

Таков сейчас Милан, ставший первым крупным городом у Альп и ставший верным стражем на случай вторжения вероломного соседа с севера. Величественный город со сломленным духом свободы, полностью подчинённый воле Архиканцлера, всецело скован его чёрной волей и видением идеального мира. «Никто не смеет перечить идейному курсу, ибо в нём свет истины» – так утверждалось в указе нового правителя, когда он спускал всех инквизиторов на тех, кто посмеет против него выступить, или нового курса, который, как полагает новоявленный глава государства – «спасёт государство от ереси похотей и развращения». Некогда великий и гордый славный город, с духом свободолюбия, снова спешит погрузиться в пучину нового средневекового мрака, что стал жестокой сутью новой реальности, со старым и неизменным фундаментом – религия, правитель и государство и ничего вне этих трёх понятий. Среди бетонных джунглей проходят политические чистки, устраиваемые инквизиторами, чтобы доказать собственную лояльность новому правлению в обёртке старого режима.

Ярые последователи Великой Конгрегации Веры в Государство, находясь под защитой духовно-просветительских войск, выискивают всякого, кто посмеет выразить сомнение в новом курсе. С таким же пламенным фанатизмом, даже не изменившим форму, принимая государство, как священный институт, сторонники Конгрегации стараются убедить всех граждан в собственной правильности и праведности слов, а тех, кого не удавалась научить – расстреливали на месте. И как бы в издёвку, дабы соблюсти законы Автократорства и быть чистыми перед Великим Трибуналом, после каждого акта «праведного мщения» составлялся протокол и вызывались уличные комиссары.

Везде и на каждом шагу любого гражданина может поджидать возмездье за то, что «он не должным образом выражал свою любовь и отношение к государству». Так, если человек посмотрит на один из плакатов и исказит лицо в некой гримасе, что не понравится «монахам» из Конгрегации, священникам или уличным комиссарам, то его могли арестовать за «оказание лицевого неуважения к стране». Ибо, как сказал Архиканцлер: «никто не смеет выражать неуважения в любой форме к праведности государства, ибо его воплощаю – я».

Но хуже всем приходилось тем, кто был принят на различную работу при правлении второго Канцлера. За ними устанавливался особый надзор, как за «идеологически нестабильными гражданами, по причине вербовки при несправедном правлении». А «несправедным правле-

нием» новый глава государства осознанно называл время управления второго Канцлера, который по идейной сути решил отойти от принципов первого правителя Рейха.

Многие граждане Автократорства понимали, что их кошмар единственный способ спасения в этом мире и поэтому приняли новый старый режим с благоговейной верностью и спокойствием, осознавая, что он ничем не отличается от правления первого и второго Канцлера. Все с радостью и ликованием праздновали приход нового Архиканцлера, устроив огромный и пышный праздник, прокатившейся по уголкам всего государства: от огромной столицы до самых захолустных деревень и полузабытых посёлков. Но не все в старом городе со сломленной гордостью торжествовали победу нового правителя с приевшимся «идейным душком».

Тем временем, пока весь Рейх утопает в безумии новой власти, по улицам города пробирается человек, который собственным видом не вызывал подозрений. Серый, как вся миланская действительность, классический костюм, под которым виднеется белая рубаша, а на ногах чёрные туфли. У левой руки руку перекинулась деревянная тросточка, зажатая под подмышкой, а половина лица скрыта под бесцветной шляпой. Ничего примечательного или весьма подозрительного в этом человеке нет. Он с лёгкостью мог бы сойти за служащего какого-нибудь управления из Все-Министерства, а одежда в Автократорстве это один из главных показателей верности идеалам государства и матери-церкви. Человек только изредка крутит головой, чтобы увидеть, что творится вокруг и более точно выстроить маршрут, но кругом он видит, как льётся повсюду сладкая, тем и тошная, похвальба нового правления. Везде, где только можно было, на ветру колышутся транспаранты и плакаты с изображением нового правителя, а под ними подписи, восхваляющие его пришествие к власти. Мужчина подметил пару надписей и произнёс у себя их в голове: «К светлому будущему придём вместе», «Чем жестче правление, тем больше порядка», «Вместе проложим курс к счастью». От прокрученных в разуме нелепых изречений нового государя неприметному гражданину чуть не стало тошно, ибо он знал, что этого человека заботит только «власть ради власти» и уничтожение всех тех, кто мог бы подорвать моральный курс, установленный ещё первым Канцлером.

Внезапно взгляд человека, облачённого в серый костюм, приковала сцена, развернувшаяся на улице, ставшая актом показательной сути «нового курса». «Монахи» из Великой Конгрегации Веры в Государство, остановили гражданку. Шесть человек из духовно-просветительских войск, оградили девушку от «монахов» винтовками и спинами, за которыми и послышалась речь, полная недовольства:

– Дочь наша, почему у тебя губы накрашены столь яркой помадой? Разве ты не знаешь моральный курс, установленный нашим, всеми любимом, Архиканцлером: «никто не должен привлекать к себе внимание, вызывающее к животным инстинктам, ибо такова есть суть разращения».

Женщина стояла в полнейшем недоумении, в её глазах, мужчина в шляпе прочёл и смущение и страх одновременно, от происходящего она и даже не знала, как реагировать, но всё же нашла пару нужных слов:

– П-п-простите, но это не в вашей юрисдикции. Э-э-тим до-до-лжны интересоваться священники из Христианской Конгрегации Праведной Веры, но ни-никак не вы, – испугано заоправдывалась девушка.

«Монахи» опешили от такого ответа, явно понимая, что девушка права и дела с обязанностями одного департамента власти, не должны касаться юрисдикции другой ветви власти. Но, обиженные и наполненные досадой от такой юридической пощёчины они не собирались и перешли в новое идеологическое наступление, желая свершить кару:

– Ты права, но столь красные губы... этот цвет – древний символ коммунистов, и самой коммунистической веры. Конечно, будь у тебя другой оттенок, то мы бы и прошли мимо, но столь насыщенный и яркий, этот цвет может породить ностальгию к коммунизму. А пресечение антигосударственных посылов – наша юрисдикция.

После этих слов, тут же послышался звук передёргивающихся затворов на винтовках, и в самом воздухе стало витать напряжение от готовящегося акта «правосудия».

Сам ничем не подозрительный человек в сером костюме лишь наблюдатель, не смеющий влезть в эту драму, ибо как только он перейдёт черту дозволенного, станет желанной целью для всех структур Автократорства.

Внезапно вся фантасмагория фанатизма оборвалась от возгласов пяти полицейских, облачённых в серые шинели, высокие сапоги поверх тёмных утянутых штанин.

– Именем Автократорства – прекратить, – строго приказал один из полицейских.

Тут же к нему развернулись «монахи», лица которых покраснели от налившейся крови, в глазах вздулись сосуды, и послышался голос, преисполненный ревностной и фанатичной злобы:

– Страж порядка, ты смеешь нам перечить в деле свершения правосудия!?

– По закону, ты обязан передать эту девушку мне, а не свершать над ней самосуд. Нам надоело убирать за вами горы тел и искалеченных людей.

– Мы есть рука правосудия, – прозвучал протест сторонников Веры в Государство, держащих спокойные лица. – Мы должны карать грешников за их проступки!

– Нет, – поучительно начал полицейский, озлобившись, – это мы длань правосудия, ибо так хотя бы написано в законах. – И повернувшись к обескураженной женщине, уже утвердительно, с нотками ультиматума продолжил. – А теперь мы заберём эту гражданку для проведения допроса.

Конец спектакля настал так же неожиданно, как и его начало. Девушка, продолжая находиться в прострации, была заключена под стражу полиции и уведена от объятых «праведным» гневом культистов Государства.

Гражданин в сером, уделив чуточку внимания этому представлению, продолжил свой путь, желая как можно скорее быстрее уйти с улиц, где так сильно неутомимое и неусыпное «Око Императора», следящее за каждым человеком, что находится в его владении. Неприметный человек на всём ходу устремился в так называемые «новые районы» города, ставшие самой настоящей бетонной тайгой, но до них оставалось примерно пара сот метров, а на его пути оказалось несколько служащих Управления по Надзору за Гражданской Активностью. Этим людям было поручено подгонять граждан на улице, чтобы всё выглядело, будто народ занят и заинтересован в собственной жизни и участии в общественных процессах. Полный абсурд, но такова была воля нового управляющего государством, ибо он считал, что «необходимо людям радоваться тому, что они живут в таком прекрасном государстве и не предаваться унынию на улицах и впадать в апатию в публичных местах, ибо это есть акт морального разложения».

Неприметный гражданин, пока шёл по городу, всматривался в каждый аспект того мира, который его окружал. И помимо культистского и чиновничьего наплыва в городе очутилось ещё тысячи священников, которые прилюдно молились «во имя и славу нового правителя». Они могли наспех соорудать маленькие святилища или проводить целые мессы у монументов-храмов. И каждого представителя церкви окружают десятки министрантов, что служат и помогают во всём священникам в их нелёгком молебном труде. Все улицы города, кроме подворотен, превратились в один большой и бесконечный храм, в котором ждёт кара всех несогласных с новой верой, старого типа, и наистрожайшим образом соблюдается ультраконсервативная мораль, а всё это подаётся под маской «великого идеала».

Всё-таки гражданин дошёл до нужного места, спокойно преодолев препону режима. За его спиной остались старые кварталы, собранные из прекрасных домиков и предстали высокие и монументальные строения, образующие бетонный лес, от которых, кроме ощущения безнадежности бытия, исходил так же и жуткий могильный холод.

Человек в сером зашёл в пространство между этими домами и подошёл к тому месту, что располагалось рядом с главным входом. Близко с ним под дом уходит лестница, в конце

которой тоже есть массивная и чугунная дверь, закрываемая лишь амбарным замком, которого нет на месте.

Гражданин, спустившись по лестнице, подошёл к двери и простучал тростью специальный код, схожий с шифрованием азбуки Морзе. В эту же секунду послышался вопрос из-за двери:

– Рассвет придёт.

– Сменяя закат, отбросит мрак, – ответил мужчина.

Дверь тут же открылась, и пространство наполнилось противным ржавым скрежетом, от которого режет слух.

Человек в сером костюме аккуратно ступил вовнутрь и ощутил на коже бег лёгкого холодка, тут прохладно и даже в чём-то сыро. Всё помещение освещали светодиодные лампы, которые покрывали всё пространство холодным и даже режущим глаз свечением.

Повсюду ходят те, кого бы назвали «экономически несамостоятельными» – нищие и бомжи, которых в Автократорстве практически не оставалось, ибо каждого подобного государство пыталось всячески пристроить или убрать подальше от большой общественности. Но в таких огромных городах, как Милан подобные люди продолжают присутствовать, становясь неприятным напоминанием для власти, что у проводимой политики есть свои изъяны.

В небольшом подвальном помещении они располагались буквально повсюду: на старых диванах, креслах у телевизоров, в кучах всякого хлама. В общем, заполняли собою пространство, но не каждый мог заметить, что у всякого «нищего» в этом подвале странно оттопыривают карманы, а на поясе висит по кобуре.

Гражданин в сером свершил краткий кивок, чем подал сигнал, тем, кто его окружает, что «всё хорошо» и подошёл к бетонной стене, и к одному ему известному месту приложил серую карточку, сделанную из симбиоза металла и пластика. В эту же секунду прозвучал глухой щелчок и кусок бетонной стены, посыпаясь крошками, отодвинулась в сторону, уйдя в остальную стену.

Ни один из «бомжей» и не помотал головой, продолжив заниматься собственным делом, а тем временем странный человек вошёл вовнутрь, прикрыв за собой эту тайную дверь.

Перед мужчиной предстал вполне приличный, и даже прибранный кабинет, устроенный для автономного жилья. Помещение наполнялось светом от десятков различных маленьких лампочек, привинченных к потолку в виде люстры и к стенам в форме старинных фонарей, что заливают освещением всю комнату. Сам кабинет оказался довольно небольшой, скорее компактный. У стены, что стоит напротив входа, расположился книжный шкаф, забитый множеством книг и выполненный из тиса, украшенный золотым орнаментом. Перед шкафом своё место занял простой рабочий стол, сделанный в форме прямоугольника из тёмно-коричневого дуба, наполненный стопками бумаг, окаймлявших старенький ноутбук. А у стола, повернувшись высокой спинкой к входу, стоит кожаное кресло. Ну а по бокам у других стен были поставлены диван и вход в галлею.

Всё помещение напоминает очертаниями и непередаваемым антуражем скорее убежище родовитого аристократа или матёрого староанглийского лорда, нежели простого бездомного. Но вошедшему хозяину внезапно стало не до отдыха или любования жилищем. Внезапно мужчина почувствовал каменную крошку под подошвой собственных туфель и приложился ладонью к ручке на трости, и тут же с металлическим звоном подалось сияющие на слабом свете лезвие тонкого клинка. Он посмотрел вверх и увидел, что решётка вентиляции выбита, а на месте где она упала россыпью лежит серый камень и пыль. Хозяин до конца вынул клинок из трости и стал аккуратно продвигаться к своему креслу, которое очень странно стоит – оно повернуто в не в том положении как обычно.

– Можете опустить свою зубочистку, – послышался приятный женский голос, издавший со стороны кресла, которое стало стремительно разворачиваться. – Я вам никакой угрозы не представляю.

В ответ мужчина лишь грубо и громко воззвал к пустоте, желая вытащить на свет незнакомку:

– Кто здесь?! Покажись!

Кресло до конца свершило поворот, и на глаза хозяина кабинета предстала прекрасная девушка, чья красота только подчёркивалась столь аристократическим фоном и игрой света. Прекрасные и выразительные глаза, цвета божьего серебра смотрят прямо на мужчину. Утончённые и во многом выдающиеся черты лица никак не умаляли общую концепцию лица, представленного вытянутым и худым овалом. А чёрные волосы, чуть касавшиеся плеч, были подобны дорогому и невероятно прекрасному шёлку. И на фоне золотого света, который заливал всё вокруг, эта девушка могла показаться ангелом, сошедшим с небес.

Столь прекрасный образ девушки ненадолго смутил мужчину, но он тут же отбросил всю тень смущения и поднял вверх рапиру, занеся её остриём для атаки. И в этот раз, сделав голос ещё грубее и злее, но тише, мужчина задал вопрос, искажив лицо в незначительной неприязни:

– Кто ты? Кто тебя послал?

Прекрасная девушка слегка усмехнулась, её тонкие губы разомкнулись, неся ответ голосом, который напоминал сущность ласки, подобно тому, как хозяйка нахваливает или успокаивает своё дитя:

– Успокойтесь, прошу вас. Я Эмилия, называйте меня так. Меня послал Магистр Данте.

В ответ лишь короткое молчание, и буря мыслей в разуме, которая. Лицо мужчины спрятано под шляпой, и девушка не может различить эмоций в глазах, но ясно чувствует, что сейчас в нём идёт мысленная борьба.

– Откуда мне, знать, что ты послана бывшим Консулом, – медленно заговорил парень, – а не нашим безумным Архиканцлером? – прорычал мужчина, наполненный подозрениями. – Скажи, почему я должен тебе верить?

– Будь я послана Архиканцлером, то навряд ли говорила с вами, а вы бы едва ли сейчас живы были бы.

Хозяин кабинета опустил рапиру, но не спрятал её, держа для стремительного удара, однако решившись, довериться незнакомке. Мужчина подошёл к столу, потянулся к краю шляпы, зажав её пальцами и стянув, открыв измученное лицо. На свет подалась страшная картина минувших битв, отражённая на лице жестокими мазками кисти войны. Шрам «украшил» губу, второе ранение осталось «хорошей» царапиной у левого глаза, но его не задевший и последний – рассекающих правую щёку грубым взмахом чьего-то ножа. Суровые тёмно-синие глаза не наполнены злобой, наоборот, в них виднеются тлеющие огоньки бывшего душевного огня, разбавленные усталостью и бессилием. Мужчина поднял взгляд на Эмилию и девушка в них нашла страшную усталость, отчего ей стало не по себе.

– Ва-ваше лицо, – всмотрелась девушка в исхудавший вытянутый лик и её слова шёпотом покинули губы; перед собой она видит измученного человека, но не как главу могущественной организации и это её поражает, её мысль сотрясает удивление от того, что она желала увидеть другого человека, а не припёртого к стенке несчастного мужчину.

– Что? – спросил мужчина, в душе испытав небольшую колкость, которая спешит разгореться в пожар самоедства и уныния; он знает, кем был, какой пост занимал, и кто он теперь. Такая глубокая потеря въелась в его душу ещё сильнее, и он застыл на одном месте, обратив пустой взгляд в стену, мысленно борясь с наплывом укоров.

Мужчина, пересилив порыв душевной садни, снял пиджак, аккуратно его положил на диван и одним движением сдернул рубашку, которая как доспех, держала тело в тисках. Торс,

слегка покрытый жиром, предстал изуродованным и перекопанным, разливаясь безобразными узорами из шрамов на теле, словно кто-то в упор выстрелил залпом стекла.

Бледные и иссохшие губы разомкнулись и полилась речь, насыщенная общей апатичностью и усталостью:

– Зачем пришла?

Голос девушки, от увиденного лица сделался менее игривым и стал более отдалённым и холодным:

– Я так понимаю, вы Верховный Инквизитор Карамазов.

– Бывший, – чуть ли не вскрикнул мужчина, и его безжизненное лицо слегка покраснело, а губы сжались. – После воцарения нового государя, жестокой битвы за нашу «Великую Цитадель» и установления «Инквизиторской Пентархии», я потерял все титулы и звания.

– «Пентархия»? – с недоумением спросила девушка.

– Вас Данте совсем не информирует? Архиканцлер решил «почистить» ряды Инквизиции и весь руководящий эшелон решил устранить. Несколько дней шла битва за наш оплот, после чего мы были отброшены, а всей Инквизицией стало управлять пятеро Великих Инквизиторов.

– Как же вы спаслись тогда?

– Это... слишком трудно, – подавленно ответил Карамазов, став рыскать в одном из шкафов в поисках одежды. – Всё это слишком трудно. Даже то, что я сейчас жив, заслуга очень хороших людей, не заслуживших... простите, – сдавленно вымолвил мужчина, опустив голову. – Слишком тяжко.

– Хорошо, – девушка отвернула взгляд от мужчины, себе под нос говоря. – Все мы кого-то теряем.

– Но вы не знаете что было во Дворце Духовного Правосудия, – пробила скорбь. – Вы не знаете, что пришлось мне пережить.

– Нам про это ничего не рассказывали, – прохладно начала Эмилия, после чего слегка поёрзала на кресле, выдохнула, чуть расслабилась, а в её глазах сверкнул луч азарта. – Что ж, ещё пару секунд назад вы мне не доверяли, а сейчас рассказываете то, что даже Данте не узнал.

Мужчина не стал задумываться, почему решил что-то рассказать девушке, он просто и холодно поделился собственными мыслями:

– Я вам до сих пор не доверю, – Карамазов достал небольшое устройство, смахивающее на плоский серый пульт с рычажком, и показал его девушке. – Тут всё заминировано, хвала Творцу, мне удалось вынести пару мин из последнего боя. Если будет хоть одно лишнее движение, тут всё взлетит на воздух.

– Вы же убьёте себя.

– А мне плевать, – выдохнул Карамазов. – Честно признаться, я устал, а смерть... она не так уж и страшна, по сравнению с тем, на что меня может обречь новый правитель.

– Ладно! – неожиданно подняла голос Эмилия. – Хватит вам раскисать, ещё не всё потепляно и Данте нет дела до того, что вы сдались. Да он не знал...

– Данте не может чего-то не знать, – резко оборвал её Карамазов. – Если он вам не сказал, значит, была причина.

– Это неважно. Что с вами случилось? Вы же... Карамазов, Верховный Инквизитор, человек великой воли. Вы же недавно жертвовали собой в Великой Пустоши ради победы? Вы же заслужили свой пост в битве при Великом Коринфе? Вы тот, кто оправдывал и обвинял по закону тысячи человек.

– Всё это потеряло значение. Говори лучше, зачем ты пришла, точнее проникнула через вентиляцию.

Без признака ошарашенности или смущения, Эмилия изложила суть прихода:

– Хорошо, раз вы сдались, то может присоединитесь к тому, кто ещё готов что-то сделать ради победы. – В словах девушки Карамазов уловил силу и напористость, в девушке он узрел недюжинное рвение; в её прекрасных глазах он узрел искру, разгорающейся в огонь, который готов потухнуть в нём и это его обрадовало, заставило выказать эфемерную улыбку. – Меня прислал Магистр Данте, чтобы обсудить планы по возрождению Тетрархии.

– Что? – усмехнулся Карамазов. – Тетрархии? Прости, но это невозможно.

– Как так?

– Объективные причины, – холодно ответил мужчина.

– Какие на то причины могут быть? – всё не унималась девушка, выдавая один из элементов собственного характера – настойчивость.

– Тит Флоренций сейчас где-то в канализациях под Римом, отбивает атаки преследователей. Бывший Верховный Отец скрылся среди граждан во Флоренции. Ну а инспектор Морс вообще пропал из виду, после того, как было объявлено о создании Тетрархии, – секунда сухого перечисления сменилась на тираду печали и гнева. – Нас рассеяли, раскидали по бывшей Италии, как листья по ветру. Боюсь, Эмилия, как бы вам не хотелось, но нашу рассеянную компанию вы вряд ли соберёте. Не думаю, что хватит сил.

– Как так случилось? – с непониманием, но спокойно спросила девушка.

– Предательство, – сурово, едва ли не срываясь на злобу, пояснил Карамазов. – Нас предал один из собратьев по Ордену Железной Лилии. Он донёс всё до ушей Архиканцлера, и за нами началась охота. Через три дня нас попросту рассеяли, загнав под пяту, так и не дав собравшись. И единственное, что я смог сделать, так это достать того предателя и перерезать ему глотку, прежде чем отступить из Цитадели...

– И что же теперь? Вы сдадитесь?

Бывший Верховный Инквизитор сначала усмехнулся, но его лёгкий смешок нёс только таившееся отчаяние и слабость, выдаваемую сквозь дикую боль, а потом он заговорил:

– Люди, те, что снаружи, это всё, что осталось от моей гвардии, в которой раньше было тысяча человек. А сейчас они вынуждены играть роль бездомных, чтобы не попасться в лапы государевы...

– Вы должны что-то предпринять, – с напором заявила девушка. – Вы же Карамазов.

– Что я сделаю? У меня нет ни сил, ни ресурсов, чтобы гоняться за своими собратьями, которых раскидало по всему Рейху.

Казалось, что Карамазова накрыло отчаяние, и он готов самолично пустить себе пулю в висок, чтобы не терпеть всей тяжести испытаний, но он внезапно обратил свой обескровленный взор на прекрасную незнакомку, Эмилию, и в его глазах вспыхнул свет. Мужчина скоротечно заговорил, стараясь как можно быстрее изложить суть своей мысли:

– Хорошо, мы можем попытаться что-то сделать. Ты мне pomoжешь.

– Я? Но как?

– Я знаю, где искать Верховного Отца и Морса, но мне никак добраться до Тита. Ты должна его вытащить из Рима и того положения, в котором он застрял. Потом вместе с Данте приходите в «место сбора Ордена Железной Лилии». Твой Магистр поймёт, где это.

– Когда? – спросила Эмилия, уже вставая с кресла, шурша свободными чёрными одеждами.

– У нас времени очень мало, и необходимо действовать как можно быстрее, – немного призадумавшись, Карамазов назвал дату. – Через два дня.

Как только были произнесены время и место назначения, а главное – условия, Эмилия решила воспользоваться тем же входом, каким и пришла, не привлекая к себе ненужного внимания со стороны гвардейцев Карамазова, а сам мужчина нашёл новую рубашку, широкополую шляпу и кожаный плащ. Как только он это сделал, девушка уже скрылась, а комнату наполнил тяжёлый вздох.

– Господин, – затрещала рация в помещении, валяющаяся на столе. – Господин, на наш след напали. Через полчаса это место будет кишеть Храмовниками.

– Собирайтесь, – обратился Карамазов, чувствуя, как его душу наполняет сила, и уверенность, как он снова ощущает старое рвение, – у нас появилась работа.

Глава вторая. Загнанные в угол

Канализации Рима. Спустя день.

Тит сработал быстро. Даже очень. Лезвие его ножа скользнуло в свете слабого свечения здешних фонарей, чем оборвало жизнь ещё одного солдата Архиканцлера. Боец, облачённый в серую шинель, пал на грязный и запятнанный нечистотами бетонный пол, шею и пытаясь сохранить кровь в горле, но она продолжает хлестать сквозь пальцы.

– Атакуйте и повергайте их! – раскричался на всю канализацию лысый худощавый воин в чёрно-серой рясе, держащий в одной руке знамя с двуглавым орлом, а в другой пистолет. – Во имя Канцлера и государства, сразите нечисть противную нашей славной и праведной власти!

Солдаты Автократорства кинулись с неестественным рвением на жителей подземелья. Бывший слуга полк-ордена подобрал исцарапанный автомат и дал залп, выкашивая короткими очередями сцепившихся в рукопашной с его солдатами, воинов Автократорства. Один за другим, брызжа кровью, они падали на грязный пол и каждую смерть знаменовал пронзительный крик. Внезапно, из правого тоннеля подошло подкрепление в виде вооружённых старыми эпохальными винтовками бездомных, что окатили огнём наступающих солдат Архиканцлера, откинув их назад неожиданным манёвром и даже рьяный проповедник стремится удрать из-под шквального обстрела, уронив знамя в нечистоты.

В широком, огромном прямоугольном пространстве завязался тяжёлый бой, который медленно и верно складывался в пользу Тита и его бойцов. Но, словно испытывая его командирский талант, в помещение ворвался громадный солдат. Его тело сковала броня, пронизанная электроникой – нагрудник и толстые поножи, с мощными сапогами и крепким «рыцарским» шлемом. На спине же виднеется горб – громадная батарейка для военного экзоскелета.

– Страж Шпиля! – крикнул кто-то и большинство людей поспешили уйти прочь с пути могучего воителя.

Облачённый в сияющую высокотехнологичную броню, он предстал подобно богу войны в небольшом помещении. Его, наполненная энергией алебарда уже жаждала кровопролития и новых жертв. Внезапно Страж Шпиля обратил внимание на Тита и стал к нему идти, сотрясая землю и раскидывая всякого, кто встанет у него на пути.

Командир обороны поднял руку, став выжидать, и как только Страж оказался на нужной линии он взмахнул, давая единственный приказ, способный остановить могучего воителя. Тут из угла, который был сокрыт во мраке, с рёвом и неожиданностью прилетел огромный реактивный гарпун, попавший точно в сочленение доспеха на ногах и прошивший оба колена разом – ржавый кончик гарпуна резво пронзил резиновое покрытие на ногах и прошил конечности.

– Вот так его! – кричат воины Тита, радуясь сиюминутной победе над таким могучим воином.

Кровь, вместе с металлом и охлаждающей жидкостью, брызнули на пол, испачкав его. Воин жутко взревел, и динамики причудливого рыцарского шлема многократно усилили крик, превратив его в адский хорал, и боец с металлическим звоном упал на пол, выронив собственное оружие, став просить помощи.

– Братья! Братья заступитесь!

Ему на помощь никто не пришёл, позабыв о командире, оставив того на произвол судьбы. Все, кто перешли в наступление, были прижаты огнём вытащенной, раритетной картечницы, что поливает дождём горячего смертоносного свинца противника, так опрометчиво неэкипированных бронежилетами.

Тит медленно, словно хищник к жертве, подошёл к Стражу, на ходу вынимая из кобуры особый пистолет. О не испытывает радости или ощущения господства из-за такой победы,

лишь меланхоличное стремление скорее закончить этот бой и перейти к другому, за которым, возможно, его будет ждать долгожданный покой. Стилизованный под старинное оружие Нового Времени и стреляющее одним залпом он нацелил его прямо в шлем противника. Один выстрел и лицо противника исчезло в вихре пламени и дыма, разлетевшись кусками брони, плоти и костей, ярко окрасив пол.

Увидев, каким образом их командир был прикончен, и сама его смерть, послужила сигналом к паническому отступлению. Оставшиеся солдаты Автократорства, поняв всю тщетность наступления, решили пойти на самый мудрый шаг в этом положении – отступать прочь и перегруппировываться. Но их просто так никто отпускать не собирается. Как только бойцы Архиканцлера дрогнули и попятились назад, в них, градом, хлынул ливень оружейного свинца. Тит, перезарядив свой пистолет, и дал ещё один оглушительный залп. Странный заряд прошёл насквозь сразу четырёх человек, нанеся им страшные увечья и впившись в стенку, отколов солидный кусок. Но всё же, в свою очередь, отвечая своим хилым и разрозненным огнём, воины «праведного» государства продолжают отступать к тому тоннелю, через который и пришли.

Неожиданно для остальных Тит сорвал со своего пояса взрывчатку и, приложив силу, добросил до тоннеля. Через пару секунд прозвучал громopodobный взрыв, и часть прохода безнадежно с хрустом обвалилась, чем обрекает на смерть оставшихся в ловушке солдат противника. Понимая всю тщетность сопротивления, они не собираются сдаваться и провели последние секунды своей жизни как воины, умерев с оружием в руках, не потеряв чести.

Вспышки всё реже стали освещать канализационные помещения и врага стало намного меньше, но это не повод отдыхать. Тит Флоренций осмотрелся вокруг, оценивая обстановку и тут же подбирая варианты решения проблемы.

– Тит, они наступают из заднего тоннеля. Не менее роты. Лёгкая пехота. Вооружены пистолетами-пулемётами, – прозвучал голос кого-то воина, на котором обноски, зажатые бронежилетом, а в руках худющего парня покоится старенький автомат.

– Поставьте к проходу картечницу и держите коридоры, – бесстрастно дал приказ командир. – Отправьте в левое крыло заградительный отряд и поддержите отступление к центральной балке.

– Есть. Как вас по званию?

«Брат-лейтенант» – было хотел ответить Тит, но тут же, холодным рассудком вспомнил, что он уже не в полк-ордене, а поэтому просто сказал:

– Зовите меня «командир».

– Есть, командир!

Тит шныряет глазами повсюду вокруг и видит только серые окровавленные шинели, что усеяли грязный пол плотным ковром окровавленных и грязных тел. Воины Автократорства пошли в поистине самоубийственную атаку, а блестящий в свете тусклых ламп и факелов поверженный Страж Шпиля знаменовал лишь погибшую надежду на победу. В душе Тита что-то сжалось, и он в уме выразил почтение павшим врагам и благодарность своим за героическую и стоическую оборону.

Воины Тита, стойко продержались против превосходящих сил противника, но продолжать сдерживать атаки в этом помещении они не могут больше. Тут нет укрытий или баррикад, и каждая атака превращается в кровавый вихрь рукопашной. Ещё пара таких прорывов и оборонять больше будет ничего.

«И ради чего всё это?» – помышляет командир обороны, не понимая, во имя какой светлой цели бросили столько бойцов. – «Разве гордыня нового правителя настолько широка, что ради неё он готов весь подгород Рима вымазать кровью своих людей?».

Тит – человек, воспитанный полк-орденом, возвращенный на благих идеях Церкви и праведности правителя, не способен осознать насколько новый глава государства одурманен вла-

стью, что готов пойти ради неё на мириад преступлений. Воин поднимает глаза и видит, что его бойцы на него смотрят опасливо, настороженно. Он понимает эту причину и полностью её принимает, с должным смирением. Он – чужак, от которого веет душевным холодом, он словно пришелец в этом мире.

«Сколько я уже здесь?» – невольно спросил у себя Тит, быстро находя ответ. Вот уже целую неделю в канализациях Рима, он командует непрерывающимися битвами за собственную жизнь, ведя за собой остатки сопротивления, принявшего участие в сражении за Рим. И все семь дней вытянулись в одну бесконечную вереницу скоротечных боёв, что становились подобны кровавым бойням.

Флоренций, перезаряжая автомат, невольно ударился в воспоминания о прошедшем времени и попытался из них выудить нечто ценное для себя. Как только Тит с воинами оказался под землёй тут же за ним новый правитель начал охоту, прикрыв все выходы из канализации, и пустив в погоню пять полков лёгкой пехоты. Те сорок человек, что остались у Тита не выдержали бы и дня, если не, то удивительное открытие, что сделал бывший брат-лейтенант.

Под Римом оставались тысячи, десятки тысяч бездомных и неугодных режиму людей, ведущих жизнь тут ещё со времён существования Римского Престола, оставшиеся брошенными и забытыми Рейхом. Несколько десятков лет назад вечный город уходил в подземелья, и тут велась бурная жизнь. Раньше здесь стояли пёстрые рынки всяческого барахла, жилые дома и существовали тысячи обычных жителей. С приходом первого Канцлера всё переменялось – старая власть уничтожена, а те, кто при ней жил под землёй так и остались запечатаны под массивными чугунными люками. Поддерживались лишь специальные части канализации, которые необходимы для жизни города, но до девяноста процентов подземелий оказалось заброшено и оставлено во тьме. И, как всегда, нашлись те, кто не захотел покидать собственного дома, став жить вопреки постулатам Империи и самому Рейху. Именно эти люди, узнав о погоне и том, псы правительства спустились в канализации, решили помочь Титу в его обороне. Так и завязалась недельная война, которой не было конца долгих семь дней.

Командир шагнул прочь, направился к выходу, не обращая внимания на отстранённую пальбу, доносящуюся откуда-то отдалённым рокотом. В день случалось до сотни мелких и минутных, быстротечных кровопролитных сражений с полками Архиканцлера. В узких коридорчиках и широких штольнях велись боевые действия, на острие которых всегда был Флоренций и его командиры, вдохновляя солдат личным примером. Под Римом звучат тысячи громовых раскатов, что знаменовали разгар самых жестоких битв. Канализационная вонь сменилась, к которой брат-лейтенант адаптировался очень быстро, запахом пороха, крови и раскалённого металла. На сон и приём пищи времени практически не оставалось времени, ибо сражения сменяли друг друга один за другим, становясь похожими на один кровавый шторм, раскатами оружейного грома заявлявший о собственном присутствии.

Тит, на ходу, коснулся разбитых пластин и рваной ткани, перемоченной грязными тряпками. Броня Флоренция с каждым сражением портилась и вскоре стала похожа на лоскутья разорванной и испачканной ткани, где все пластины были почерневшими и расплавившимися от того, что приняли на себя удар множества пуль. Командиру обороны пришлось пользоваться подручными средствами и вместо специального сплава, вставлять обычные листы старой усиленной стали, что бы хоть чем-то защититься.

Всё это время бывший брат-лейтенант стоял на самом краю обороны, сдерживая натиск противника всеми доступными средствами и теми ресурсами, что были у него в распоряжении, но только наличия людей было недостаточно. Народ, живший десятилетия во тьме истории и вдалеке от цивилизации, оказался очень воинственным и плохо оснащённым. Большинство вооружения подземного населения составляли несколько автоматов, самодельные винтовки, арбалеты, древние пистолеты и гарпуны, ну а что касается тяжёлого оружия, то это были большие реактивные гарпуны, с которыми можно ходить не только на кита, картечницы и изредка

пулемёты, даже, несмотря на то, что довольно редко попадалось неимоверно мощное оружие, пришедшее из тёмных эпох кризиса, как новый пистолет Тита. И всё это нельзя было достойно противопоставить лёгкой пехоте Автократорства, которая несла с собой массу тяжёлого вооружения, отличные штурмовые винтовки, чьей силы хватало, чтобы прошивать бетонные стены, автоматы и гранаты. И когда начиналась перестрелка, то оборона неминуемо, но проламывалась. Однако если начиналась рукопашная, то канализационному народу ничего не могли противопоставить солдаты Архиканцлера, ибо закалённые в суровой и жестокой подземной жизни люди каждый день дрались за скудные ресурсы. Вооружённые тесаками, ножами и топорами они с яростью и жестокостью вступали в рукопашную, устраивая из неё кровавую баню и прорубая себе путь сквозь ряды нападающих.

Тит понимает, что всего этого оказалось недостаточно. Медленно, с жуткими потерями, но полки продвигались вглубь, проминая оборону. Тогда, командир вспомнил, как решил устраивать ловушки и засады, ибо народ, живущий в этом кошмаре, знает канализацию настолько досконально, что любой пятнадцатилетний подросток мог гулять по ней с закрытыми глазами. И на четвёртый день битв численность нападавших снизилась до одного полка, который был рассеян чуть ли не на отделения, в то время когда силы обороны составили десять тысяч бойцов, потеряв всего шесть тысяч.

На пятый день в канализацию спустили подкрепления, в виде усиленных Стражей Шпиля, трёх полков Чёрной Гвардии и целый корпус Гвардии Великого Трибунала, при поддержке четырёх рот Армии Автократорства. Вот тогда начался самый настоящий ад, который бурей прокатился по местам битвы, сиюминутно отразившись в памяти Тита, испытал его холодный рассудок на прочность. С неимоверной скоростью, яростью и рвением шли атакующие, сметая всё оборону, подобно буре из преисподней, но и защитники, захватив трофейное вооружение, смогли ответить ураганом inferнального огня, превратив наступление в багровое безумие. Воины Автократорства столкнулись с жестоким сопротивлением, и потери оказались ужасающими, несмотря на оснащение, которое было на порядок выше, чем у сил обороны.

Новая атака готова была захлебнуться, если бы отряд новых Стражей Шпиля в сорок единиц, снятых со службы, которые, облачены в новейшие экзоскелеты, вооружённые последним оружием, шли на острие атаки, обращая оборону в пепел и устраивая для защитников сущий кошмар, наступая волнами кровопролития и страха. Но и оборона отвечала порой такой сумасшедшей и отчаянной яростью, что такое контрнаступление не могли остановить и Стражи Шпиля, численность которых к этому моменту составляла восемнадцать человек... очень озлобленных и испуганных мужчин, испытавших настоящий ужас.

И сейчас, Тит Флоренций, стоит на самом краю обороны, снова и снова отбиваясь от орд врага. К этому часу количество его воинов составляет не более двух тысяч человек, которые продолжают стойчески держаться. Врагов тем временем вчетверо больше и наверняка идут ещё подкрепления, которым Архиканцлер отвёл роль финального забойщика. Всё, что осталось у обороны это небольшой пятачок, с ответвлениями и последняя штольня, в которой располагается управление всем народом величественного подземного мира, располагавшаяся на севере Рима. Тит отчётливо понимает, что их загнали в угол и эти часы, возможно последние в его жизни. Но он не собирается отступать и лучше погибнет в битве, чем сохранит честь офицера канувшего во тьму полк-ордена. Флоренций касается рации и подносит к черномазому лицу, которое укрыто за маской респиратора излагая решение, которое оказалось столь скоротечным, как и понятным:

– Отступаем! На последние рубежи! – громогласно скомандовал Тит по рации, распространив немногим командирам свою волю, и его приказу подчинились оставшиеся на этом пятачке десятки солдат, став медленно отступать, взрывая за собой узкие проходы.

Тит, идя по узким проходам, вместе с десятками выживших бойцов, вышел в огромное пространство, которое было давно вырыто в кусках земельно-бетонной породы, став опасным

пузырём под Римом. Флоренций, ещё, когда посетил это место в первый раз, понял, что тут был край канализации, который и ознаменовывал контур города. Но со временем, пришедшие сюда люди, пользуясь старыми и утраченными технологиями пробурили породу и стали её расчищать, чем образовали целую огромную пещеру, с потолком до тридцати метров, но город разросся и сейчас над этим местом край величественной столицы, и если взорвать потолок, то под землю уйдёт часть нехитрых построек, что похоронит под собой всех – и тех, кто наверху и кто внизу. Поэтому вариант побега не рассматривался.

Это тупик, и образованная пещера не продолжается, став пристанищем для обычных людей и местом управления, именно поэтому здесь и суждено было разыгаться последнему акту кровавого спектакля, что близится к завершению.

Тит смотрит вперёд, взирая на приевшиеся ему образы и дали. В этом месте множество старых и серых бункерных строений, среди которых некогда кипела жизнь, остававшихся с былых времён и именно в них расположились последние силы героического сопротивления. Бункера безлики, но надёжные и стали верным домом для множества людей, которые отстраивали трущобы вокруг могучих зданий, чтобы жить ближе к центру всей подземной жизни.

Флоренций практически бегом преодолел место траншей, бункеров, что расположились полукругом, выгнувшись в сторону единственного входа, возле холма, который был огромной администрацией, залом совета, а теперь стал пунктом управления, что возвышался на десять метров в высоту. Бывший брат-лейтенант в бесконечности его коридоров и проходов дошёл до маленького зала, в котором собрались выжившие командиры.

В помещении, тускло, от едва светящихся ламп и рассмотреть детально людей было невозможно, а черты лица крылись в тени необычных массивных головных уборов. На каждом командире красовался бронежилет, с различными вплетенными узорами и амулетами. Так же все они одеты в майки, испачканные штаны и берцы, а единственным знаком командования была шляпа с пером на лысой голове.

– Ну, что делать будем? – мрачно спросил один из командиров, опершись руками на стол, и после его слов прозвучал оглушительный взрыв, давший знать, что последние проходы запечатаны.

– Воевать, брат, – ответил другой и с вдохновением добавил. – Сейчас мы можем только умереть, забрав с собой как можно больше поскуд.

– Тише, – бесстрастно начал Тит Флоренций, чьё лицо оставалось скрыто под маской-противогазом. – Нам необходимо выработать план обороны, ибо без него нас сметут за несколько минут, а так хоть попытаемся забрать с собой за грань бытия побольше врагов.

С самого прибытия и знакомства со здешним командованием Тит всегда представлял как холодный и бесстрастный воин. Воители, начальники римского подгорода с самого начала не слишком тепло приняли того, от кого веет холодом и были рады, когда Флоренций не стал оставаться с ними и принял доблестный бой на краю обороны. Титу нет дела до того, как они его видят, нет дела до их отношений, в конце концов, он примирился, что его путь окончен, смирился с мыслью, что его служба окончена и сегодня он канет во тьму.

– И что ты предлагаешь? – грубо прозвучал вопрос одного из командиров.

Тит примолк, и с некоторой тяжестью, после мгновений размышлений произнёс:

– Мы все сегодня погибнем и это точно и сейчас самое важное это сколько потерь мы нанесём противнику, – завидев понимание, прочувствовав его душой Флоренций продолжил. – Необходимо разместить оставшиеся силы равномерно, что бы на каждые десять метров было тяжёлое вооружение в виде пулемётов или картечницы. Так мы их хотя бы удержим на месте.

– Ну а что делать с консервными банками?

– Против Стражей Шпиля используйте оставшиеся гранатомёты, и дайте приказ, что бы целились им в сочленения брони, чтобы их хотя бы обездвигить. Эту броню вам не пробить, даже не пытайтесь, – спокойно пояснил Тит.

– А когда кончатся патроны?

– Это не проблема. У нас боеприпаса осталось на несколько минут интенсивной стрельбы и когда они кончатся – переходите к рукопашной, – срываясь на хрип, ответил Тит Флоренций и отдал последний приказ. – А теперь на передовую.

– Раскомандовался он тут, – ввязался один из командиров. – Тут мы командуем, а не сброд из высшего мира.

– Как скажите, – смиренно соглашается Тит, смотря в сторону сказавшего, будто сквозь человека, не замечая его. – Отдайте нам приказ.

– То-то же. Будешь знать, кто здесь истинная власть. Так, братья, будем сражаться

– Во славу предков и в отмщение врагам! – воскликнули свой древний клич командиры гордого народа, и пошли на передовую.

Брат-лейтенант испытывал некое слабое чувство, похожее на гордость от того, что проведёт последние часы жизни с теми, кто, даже загнан в самый угол и перед лицом смерти не предаётся панике, приготовившись без страха встретить врага, пусть они и питают к нему презрение. Всё же, они союзники. Но и одновременно его гложет слабость, его достала бессильная злоба и обречённость, перекрывшие все остальные ощущения, как у человека, идущего под топор палача. Усилием воли Тит изгнал все чувства из души, оставаясь максимально бесстрастным.

Флоренций не стал выходить на поле боя, став наблюдать за боем из узкой амбразуры бункера, при этом приложив к ней винтовку, ставшей чудом технологий Великой Европейской Ночи. Она плоской конструкции, имеет обтекающий футуристический дизайн, при этом выкрашена в белый цвет с приставленным наверх прекрасным оптическим прицелом.

Враг приступил к последнему акту недельной увертюры и перешёл в финальному наступлению. Стены пещеры в четырёх местах брызнули волной откалывающейся породы, кусками камня и бетонной пыли, чем создали дымовую завесу из которой, предвкушая лёгкую победу, замаршировали солдаты Автократорства, создав разрозненные боевые порядки. И им тут же ответили стеной жаркого яростного огня. Пещера наполнилась раскалывающим слух грохотанием оружия. Пули, оставляя яркий след, устремились к стенам пещеры, где произошёл прорыв, скашивая десятки солдат за минуты, не оставляя тем шансы на то, чтобы пройти через плотную завесу свинца. Пулемёты и картечники заработали без перебоев, мрачно сея смерть на поле битвы и орошая кровью землю. Атакующие, продолжая неумолимое наступление, проходились по рядам обороны автоматами, которые едва ли приносили вред тем, кто в окопах и бункерах.

Внезапно на поле боя появились переносные треножные устройства, на которые ставилась труба. Один залп из трубы и пять метров по площади оказывались охваченными жарким огнём – именно так воины Рейха стали очищать траншеи и бункера. Стоны и крик заполнили пещеру, сотрясая её от взрывов и криков агонии, которые эхом разлетались по всей канализации.

И тут на театр войны вышли они. В изумительной высокотехнологичной серебряной броне и с алебардами наперевес они гипертрофированным динамиком демоническим криком подгоняли бойцов продолжать наступление, которые уже прятались от шквального обстрела за трупами товарищей.

В Стражей Шпиля ту же секунду полетели залпы гранатомётов, чьи снаряды оставляли шлейф, из дыма выдавая солдат, вооружённых таким оружием. Одному из стражей залп угодил в сочленение груди и головы, и в итоге бедняге оторвало голову. Но эти гротескные войны не собирались просто так сдаваться, и, прорывав боевой клич, перешли в атаку, поддерживаемые частями обычных солдат, которые вдохновились примером и вместе с ними ринулись в лобовую.

Всё это напоминало безумие. За последние минуты боя, как минимум тысяча человек успело получить ранения, и вихрь войны не думал останавливаться, разгораясь всё сильнее. Гротескные, устрашающие собственным видом, звери войны, сдерживая на себе ливень пуль, неумолимо наступали, а за ними ещё тысячи бойцов Трибунала и армии.

Тит продолжает палить из чудной винтовки по врагу, как снайпер в здании – так же подло и метко. Каждый раз она выдаёт сгусток синего вещества и отправляет его с рёвом в полёт, и всяк выстрел выкашивает до трёх солдат при попадании, обращая их плоть в чёрный уголь. А уже трём Стражам Шпиля он успел выжечь системы жизнеобеспечения, работы и связи, чем превратив их в беспомощные консервные банки, бродающие по полю битвы.

И командир обороны не собирается останавливаться, одновременно сдерживая чувства и не давая входить себе в боевой раж. Его оружие продолжает косить противника, пока по его позиции не дали коллективный залп из тяжёлых станковых пулемётов, установленных впопыхах солдатами Рейха, в надежде остановить inferнальный огонь.

Флоренций, спасая самое ценное, что у него осталось – жизнь, отбросил винтовку и сделал кувырок в сторону, чем лишился удивительного оружия. Патроны пулемёта сделали из бункерного помещения помойку, изорвав всю мебель и всё, что было. А со временем бетон стал настолько хрупким, что крупнокалиберные пулемёты без всякого труда разорвали позицию на куски, сделав её открытой. И увидев это, бывший брат-лейтенант решил выйти на передовую, дабы лично видеть положения дел и не быть тут на всеобщем обозрении перед врагом.

Пока он выходил из командного бункера, прошло две минуты, но и этого хватило, чтобы ситуация изменилась кардинально, перейдя из тяжёлой в абсолютно безнадёжную, что сильно несколько мужчину, хотя скоротечные и даже мгновенные перемены в битве он видел не раз.

Силы Автократорства вплотную подошли к бункерам первой линии обороны, из которых огонь становился всё менее интенсивным. На этом рубеже обороны оказалось около пятисот человек, став тем, что должно было ослабить врага. Вторая линия обороны уже строилась возле командного холма, чтобы дать последний бой ненавистному врагу. И держать первый рубеж обороны оказалось тщетно, и даже глупо, но отступить нельзя, ибо враг держал под прострелом весь театр сражения, и отойти равнялось смерти.

Враг на пару секунд приостановил наступление и специальные отделения подходили с огнемётами, что «вычистить» траншеи и окружённые бункера. Эти пятьсот человек ждала мучительная и позорная смерть, которая не лучше прелюдия к истинному безумию. Но они решили уйти на собственных условиях, как и планировали.

Внезапно всё озарилось ярким светом, и прозвучал оглушительный, разрывающий уши, взрыв, ставший подобным звучанию миллиона труб Иерихона. Тита отбросило волной силы и он, отлетев на полметра, приземлился в стену бункера. Боль прошла по спине в ту же секунду, став настолько сильной, что сознание на пару минут решилось взять передышку.

Когда он пришёл в себя, то тут же через кряхтение поднялся и всмотрелся, хотя всё движение сковывается жутким ощущением в спине и голове. В глазах стоит пелена и всё мутит, не давая сконцентрироваться на происходящем, но когда он понял, что произошло, то ужаснулся и осознание произошедшего отодвинуло боль на вторую планку. Несколько тонн третила и зарядов с обеднённым ураном детонировали, чем забрали жизни нескольких тысяч человек. Половина поля битвы стало похоже на адский пейзаж, пребывая в огненном вихре и ползущем пламени. Но ужаснее было то, что потолок пещеры застонал, издавая страшные звуки.

Однако битва и не думала кончаться и перешла в финальную стадию. На поле боя, подобно главному антагонисту, вышел высокий воин, с синим плюмажем, облачённый в технологичный золотой доспех. За ним следом появилось двадцать Стражей Шпиля, которые стали последними представителями этого элитного подразделения, ушедшего в прошлое. Золотой воитель, с явной злобой осмотрел поле боя, сдерживая гнев, который гложет командира «Стражей». Практически все его собратья погибли тут, в проклятом месте мира. Неисчислимо мно-

жество раз выходившие против более высокотехнологичного врага они побеждали, а тут в трупобах погибали самой позорной смертью, не достойной чести воина. В гневе разглядывая обожжённые кручи, он увидел Тита и тут его воспоминания заполнились картинками того его обездвигили на мосту и чувство жажды мести... голод расплаты подкатил к горлу. И понеслась.

Последние минуты боя напоминали конец света. Стражи Шпиля накнулись на оставшуюся оборону, став её рвать в рукопашной с таким остервенением и злобой, что никто не мог их остановить, ибо этих рыцарей апокалипсиса вела месть за своих павших собратьев. Вскоре изуродованная земля обагрилась алой кровью канализационных мятежников, бесславно погибавших под напором противника.

Их златой командир за считанные мгновения оказался рядом с Титом, желая привнести сладкое возмездье. Он подобен сверкающей золотой лавине, которую никто не может остановить. Брат-лейтенант метнул в него самодельную электромагнитную гранату, но она тут же попала на острие алебарды и разлетелась на части – «Страж» впитал уроки прошлого.

Оружие врага рассекло воздух и разрезало всех, кто стоял возле Тита, обратив их в кровавые подёргивающиеся ошметки мяса, а сама главная цель успела нагнуться и утти от «правосудия». Брат-лейтенант поднял автомат и приготовился дать залп прямо в бронированное лицо, сделанное на подобии маски ангела, но воитель ударил своей алебардой по автомату и разрубил его.

Тит, изнеможённый, усталый и обессиливший попятился назад. Командир Стражей Шпиля, уже предвкушая победу, вознёс потрескивающее от энергии оружие и пошёл к Титу, но брат-лейтенант не думал так просто умирать. Он резким движением достал пистолет и сделал залп. Пламя и дым охватили великолепного воина, его нагрудник обратился в расплавленный почерневший металл, и вся электроника заискрила, словно бенгальский огонь. Однако всё же «Страж» смог его достать обухом алебарды, что угодил в лицо.

Флоренций, практически потеряв сознание, начал падать на землю, но внезапно его подхватили крепкие руки, и он за пару секунд был заброшен на чьи-то плечи. Страж Шпиля, исчез в вихре воины и Тит Флоренций, потеряв всякую способность к бою, провалился во тьму.

Глава третья. Магистр Данте

Этим временем. Где-то в Адриатическом море.

Стоит прекрасная погода. Шум прибоя наполняет всё пространство, даруя прекрасные слуховые ощущения, которые запалили разум, поднося спокойствие и сосредоточение. Шорох надвигающихся волн и их шелест, когда они разбиваются о песчаные берега, уносят сознание человека до невозможности далеко, словно песни сказителя-барда о далёких сказочных странах.

Лёгкий северный бриз, подобно благому поветрию, дует по всему побережью, преподнося лёгкую прохладу и ещё больше унося любого человека в мир его собственных грёз. Ветра четырёх сторон света сходятся тут, чтобы сплестись в восхитительном вихре и неся с собой лёгкий и приятный холодок, которого так не хватает по всеми миру и вместо него либо жуткий холод или же испепеляющий жар.

На берегу, который без счёта усеян золотистым песком, что на лёгком ветру отпускает в свободный полёт малое количество песчинок, стоит человек, с жадностью взирающий на уходящее солнце, будто бы для него это последний закат в истории мира. Он облачён в длинный чёрный камзол, белую рубаху, штаны и длительные кожаные сапоги, доходившие практически до колен. Человек занял место на фоне заходящего солнца и всматривается в закат, будто бы ища в нём нечто таинственное и прекрасное, известное лишь ему одному. На широком полотнище алого и раздутого светила, простирающего в поднебесье свечение цвета крови делая свои габариты ещё внушительнее, этот мужчина мог показаться чёрным угольком, на полотне красного полотна, что похоже на разрыв между действительностью и параллельным миром, откуда в поднебесье сочиться небесная кровь.

Но, несмотря на всяческое предположение о его цели нахождения он просто стоит и завлечено смотрит вдаль, словно высматривая там некое явление, что обязательно должно вот-вот грянет на берег или же мужчине просто нравится наблюдать за таким сочетанием красок, что разлились по небу, как по полотну художника. Но ничего даже и не думало случаться, а человек всё продолжал смотреть в горизонт.

– Магистр Данте! – послышалось воззвание сзади, из глубин острова, и чувствовались постепенно приближающиеся шаги, шуршание которых сменилось на обращение. – Магистр Данте, возведение передового наблюдательного пункта закончено. Ваши дальнейшие приказы.

Мужчина медленно обернулся. Его белоснежное лицо резко контрастирует с золотистым берегом, а чёрные длинноватые волосы слегка развиваются на лёгком ветерке. Он всмотрелся холодными изумрудными, как поля старой Швейцарии глазами в человека, который его позвал, обдав того волной хлада. Там стоит невысокий мужчина, на котором слегка подёргивалось лёгкое кожаное пальто, покрывавшее броневую пластину.

– Гранд-капитан, – зазвучала речь, лишённая всякой жизни, – отправляйтесь на запад и возведите там несколько авгурных систем. Этому посту не нужно быть застигнутым врасплох, – холодно дал следующий указ Магистр.

– Есть, – ответил командующий первой ротой ордена и отправился собирать своих бойцов.

Данте напряг взгляд и узрел тот самый пост, на который и пришёл сюда посмотреть, оставив крепость и все дела в ней. Высокая наблюдательная башня, от ока которой не сможет уйти в неизвестность не одно передвижение. Этот пост не должен быть застигнут в окружение со стороны Турецкого Султаната и Автократорства Рейх, поэтому обнесён камерами и датчиками.

К башне примыкает небольшое коробкообразное строение, ставшее казармой и столовой для размещившегося там гарнизона, а в его подвалах хранится тяжёлое вооружение, способ-

ное дать отпор любому врагу. Сам пост окружён сетчатым забором, что находится под напряжением, укрепленный мешками с песком со всех сторон на случай внезапного нападения. Внутри, за забором, выстроена небольшая площадка, на которой стоит пара одностовольных зенитных установок, заперших небеса. Сам пост снабжён средствами радиопередачи и наблюдения, чтобы вовремя узреть и передать об угрозе в центр и поднять славное воинство. На этой небольшой территории находится около тридцати солдат ордена Лампады, готовых вступить в первый бой и дать отпор противнику на первых парах битвы, но не более того.

Данте слегка ухмыльнулся. Он захотел улыбнуться, но края его губ не смогли раздвинуться на достаточное расстояние, словно нет сил на улыбку, будто бы плоть омертвела для улыбок. В его душе должна была возникнуть радость от успехов собственных солдат, но всё очень быстро погасло, даже не начавшись, остаётся лишь одно-единственное ледяное поветрие, которое дикими завываниями множество неисчислимых лет терзает душу Данте. Что ж, такова была его расплата за жизнь верную и службу стране.

Бывший Консул вспомнил, что теперь таких наблюдательных постов не менее десяти и все они стали неусыпным оком, что бдит за главной крепостью ордена, получившей название «Прибой Спокойствия». Но больше название его интерес подогревает тот титул, которым наделили его собственные воины.

– Магистр, – шёпотом сорвалось с губ Данте, и тут же потерялось среди шороха морского прибоя.

Человек, переставший быть Консулом, взял на себя почётную должность Магистра той организации, великого ордена, что стремится к сохранению мира. И с тем самым Данте в один момент взял на себя огромную и неограниченную власть, которая была сильно обрезана при прошлом посту. Ему было вверено решать чужие судьбы и фатуму самого Автократорства, пускай он ополчился на нового правителя, спустившего псов войны с поводка. Именно от решений Данте теперь зависит ход самой истории, его холодным рассудком определяется следующий день.

И такой собранной мощи была своя причина, кроющаяся в переплетениях политики и теней придворных интриг. Новый орден Лампады проник практически во все сферы Автократорства, почти полностью вплестись в большинство ключевых узловых систем, начиная от мелких уровней Все-Министерства и заканчивая Имперским Буле, в котором они были и раньше. Ещё на посту Консула Данте решил перестраховаться и отправил своих агентов во все структуры, завязав на них работу и приложившись к пульсу государственной машины. Если Магистр того захочет, то по его воле парализуется часть Автократорства, что приведёт к падению целых структур управления и создаст гигантский коллапс, а это последний козырь в игре, развязанной Архиканцлером и Данте.

Но это не нужно бывшему Консулу, который смотрит дальше, чем простираются его собственные амбиции и ещё дальше, чем любой из военных стратегов под его началом. Даже перед лицом смертельной угрозы он не отдаст такой приказ, что поставит на грань существования его единственный смысл жизни и ввергнет целую страну в вихрь хаоса и пасти кризиса, а это именно то, чего пытается избежать Данте всеми возможными средствами. Все эти махинации необходимы б только для того, чтобы обезопасить себя от безумства нового правителя, возмнившего себя праведником, дабы замести все следы своей деятельности и не быть обнаруженными. Или же когда тысячи мечей Рейха приставят к его горлу, он сможет пойти на сделку и уберечь себя и всё Автократорство от сумасбродства «праведного правления».

Однако вместе с такой силой и властью на Данте легла и колоссальная ответственность за мириад душ, что стала ещё одним бременем на душе, терзаемой болью прошлых кошмаров, которые, как вечно гниющая язва на душе. И ответ за чужие жизни находит своё отражение в том, что необходимо поддерживать в порядке крепость, вместе с воинами, становясь для них символом лидера, гарантом истинного героя, а так же не дать сорваться Рейху в пучину тем-

нейших веков, отводя безумные решения в более мягкое исполнение. Так же от его решений зависит, каким проснётся завтра часть людей Автократорства: спокойно, без подозрения или же сгинет в вихре политических «чисток», отпущенных в приступе паранойи Архиканцлера. Данте приходилось видеть за несколько шагов вперёд, чтобы уберечь людей от собственного глупого шага или не дать им подставиться, параллельно с этим руководя крепостью.

И ощущение ответственности за тысячи и сотни тысяч человек лежат титаническим грузом на истерзанном сердце Магистра, став ещё одной душевной болью, прибавившись к сотне другой.

Уставшими глазами цветом изумрудных лугов он смотрит на кровавый закат и надеется, что завтрашнее утро для людей, добрых жителей Рейха не станет таким же кровавым. Столько невинных душ, а порою и родных, сгнуло на жизненном пути Магистра, что бессилие превратилось в холод, а тот в безразличие, отразившееся на стремлении уберечь всех по возможности.

Естественно, Данте предлагал разделить титаническую ответственность и полномочия между собой и «советом Ордена», но все отказались от этой затеи, добровольно решив полностью отдать свои жизни и судьбы в руки одного человека, посчитав его достойным их бытия и удела. Магистр не просил этого, но получил в собственное пользование то, о чём мечтает любой уважающий себя тиран – других людей, вместе с их свободой и правами и желательно добровольно. Но Данте не желал подобной судьбы, а посему воспринял это как дар, который он обязан оберегать всеми силами души и отвечать за них собственной жизнью.

Теперь он воистину напоминал человека, что был подобен Магистрам из древних рыцарских орденов, ставшие идеалом служения великим и благородным целям. И сейчас Данте несёт свою миссию, поставив её в статус смысла жизни, которая может стать не только благородной, но и спасительной для многих душ, вставших на его пути.

Внезапно все размышления Магистра развеялись, как мираж в пустыне, воззваниями со стороны наблюдательной базы и мужчина плавно повернул свою голову, чуть трепетнув смольными волосами.

– Магистр, прибыли новые донесения и сведения из Рима, Флоренции, Венеции и Милана.

Данте увидел, как к нему подошёл высокий, выше него мужчина. Он облачён в тёмную кожаную куртку, походившую на жакет, что покрывал сиреневую рубашку и чёрные зауженные брюки и туфли.

– Да, что там? – бесстрастно поинтересовался глава ордена. – Надеюсь, ничего плохого. Хорошие новости нам бы не помешали...

– Господин Магистр, в Риме, на фоне подземных боёв, прошли многомиллионные шествия, посвящённые недели правления Архиканцлера. В результате них было арестовано шестнадцать человек, за «недостаточное ликование на празднике, что ведёт к пространственной апатии, а значит социальной энтропии». Среди задержанных людей оказался и наш сотрудник, который внедрился в Управление по Надзору за Южными Дорогами.

– Его необходимо выволить, – хладно отчеканил Магистр. – Подключите наших агентов из полиции и Управления по Руководству Тюремным Заключением и Протоколированием. Только будьте аккуратней. Постарайтесь не привлечь к себе внимания.

Приказ Данте прозвучал подобно тому, если бы его отдал механизм, обладавший разумом.

– Будет исполнено.

– Докладывайте, что в остальных городах, – потребовал Магистр.

– В городе Венеция вынужденной ликвидации подверглись последние «Аристократические дома», за то, что «не соответствовали идеологическому курсу святейшего Архиканцлера и активно содействовали в мерзком деле совращения народа».

– А что именно они сделали?

– Решили продавать жёлтые тигровые лилии, вместе с красными и синими розами на праздники, а Конгрегация Веры в Государство усмотрела в этом «акт стремления к развращению населения излишним цветовым разнообразием» и «стремление заработать на добрых чувствах населения и великом празднике».

– Что ж, у них и так до Архиканцлера ни власти, ни влияния не было. Они всегда оставались всего лишь красивой декорацией красивого правления Венецианской Аристократии.

– В Милане проведены погромы старых кварталов и даже подверглись сожжению несколько книжных магазинов, потому что они выставили на полки литературу, которая утверждает, что трудиться двадцать часов в сутки опасно для здоровья. Их тут же заклеили «сопротивленцами праведности», обвиняя в «тенденциях к осуществлению действий по разврату населения через пропаганду лени».

– Ну а что во Флоренции? – Сохраняя холод в голосе, чётко поинтересовался Магистр ордена.

– Самое интересное. В районе, где расположился старый собор Санта-Мария-Дель-Фьоре, вчера произошёл бой между сторонниками Конгрегации Веры в Государство и неизвестными людьми.

– Детали боя, – прозвучало требование, словно озвученное компьютерной речью.

– Несколько десятков человек, используя лёгкое стрелковое вооружение, без предупреждения атаковали три отделения духовно-просветительских войск. На несколько минут им даже удавалось оттеснить отряды Конгрегации Веры в Государство и полиции, но когда подошли четыре роты Армии Рейха, всё сопротивление исчезло из виду, словно растворилось в воздухе. Но самое главное, что им удалось оттянуть на себя все подразделения, что были в городе.

Данте без сомнения понял, что это было, что за действо и решил прояснить его суть голосом, который был словно напев северного ветра:

– Это был отвлекающий маневр. Готов поставить на это серебряник.

– Как? – чуть со смятением спросил докладчик, не понимая логики своего командира. – Разве?

– Насколько я помню, там действовало движение «Свет свечи», возникшее практически сразу после воцарения Архиканцлера. Просмотрите его активность после битвы.

– Но как можно вывести незаметно несколько сотен или даже десятков людей из города, без ведома Управления по Выезду из Городов?

– Движение может насчитывать и десяток человек, если его цели ясны, методы предусмотрены, а воля сильна... или же если оно достаточно обучено и организовано для ведения пропаганды.

– Понятно, – покорно согласился докладчик, не желая противоречить Магистру, и тут же обратился к своему командиру. – Разрешите идти.

– Ступайте, развед-агент.

Человек отвесил лёгкий поклон, и поспешило удалиться поскорее, чтобы вновь вернуться на собственную работу.

Данте снова остался один, но ненадолго, так как глава целого ордена, ведущего войну против целой страны, не может быть долго не занят согласованием всяких деталей. К нему постепенно подходит невысокий человек, мягкой поступью ступая на сухой песок, подобно как кошке. На фоне доживающего день солнца силуэт двух человек практически терялся, становясь похожим на чёрные точки на фоне алого небесного полотна, достойного холста умелого художника.

Еле слышимый шелест сухого золотистого песка, что практически терялся в шуме прибоя, привлёк чуткий слух Магистра. Он медленно развернулся и обратил зелёные, как изумрудные зеркала, глаза на источник звука.

В чёрных, слегка мешковатых одеждах, в которых обычно действуют полевые разведчики ордена Лампады, подходит человек, чью конфигурацию тела Данте помнит отлично. Капюшон был откинут, а посему и лицо для Магистра легко узнаваемо.

– Эмилия, – прохладно обратился к девушке Данте.

– Да, господин Магистр, – прозвучал прекрасный голос, наполненный покорностью.

– Ты выполнила поручение ордена?

Серебряные глаза девушки засияли на свете золотого солнца, и полилась её певучая речь, несущая суть ответа:

– Да, господин Магистр. Карамазов найден и смог обнаружить бывшего Верховного Отца. Отделение ордена в последний момент добралось до нашего собрата и смогло его вытащить из той бойне. Обвалилась даже часть края города, унеся под землю несколько военных частей.

– Какова реакция Архиканцлера?

– Спустил с цепи инквизиторов и всех возможных инспекторов. Они теперь ищут по всему Автократорству в поисках отступников и «пособников канализационному движению». Даже готовит к реализации специальный указ, по которому Инквизиция, Армия Рейха и силы Трибунала проведут зачистку всех канализаций во всех городах.

– Чем бы дитя ни тешилось, – попытался усмехнуться Данте, но у него попросту это не вышло, и фраза прозвучала так же серьёзно и холодно, как и остальные. – Ладно, это хорошо, что мы смогли его вытащить.

Магистр понимает, что этот указ не начало новой политики, а есть продолжение старой линии, которая идёт вот уже несколько десятилетий, начиная от правления Канцлера Южно-Аппенинского Ковенанта, и она будет продолжена, ибо для страны с тоталитарным правлением посреди всеобщего разврата с севера и безумного коммунизма с востока единственный залог выживания держаться своей идейной линии.

– Каков статус Тита Флоренция? – тихо прозвучал вопрос девушки. – Он всё ещё нам брат по ордену?

Данте обратил на неё свой пристальный взгляд, рассматривая возможные варианты, смешивая её со своей паранойей не быть преданным подчинённым. С одной стороны, Тит верно послужил беззаветно вступив в схватку с монстром, который зовётся Армия Рейха. Сильно выручил орден Лампады, когда остался в Риме, наблюдать за Тетрархией, не позволяя ей оставаться в тени от взора Данте. Но с другой стороны он выступил против идеалов ордена Лампады, вступив в явную битву с войсками нового правителя, личным примером взывая к тому, что можно сопротивляться, а это привело бы к падению всех систем Автократорства, приведя людей к возможному мятежу. «Это явное противление идеалам ордена означало лишь то, что Тит не является собратом по духу обновленному ордену» – подумал про себя Данте, в очередном лёгком приступе паранойи, узнав в своих мыслях стремлению к идеализации и установлении единого стандарта мышления.

Магистр заглянул прямо в глаза девушке, углядев в них некий свет, что лучится из глубин её души, словно она с нетерпением ждёт чего-то, что приведёт её к состоянию счастья. Но для Данте этот свет не более чем мерцание холодных звёзд до которого ему нет дела.

– Магистр Данте, – снова обратилась девушка. – Так кто он нам теперь? По правилам ордена этот вопрос на вас.

– Я решу на собрании Тетрархии. – Хладно ответил Данте и поспешил к «Прибою Спокойствия», откуда он отправится на встречу, которая может изменить мир.

Глава четвёртая. Тетрархия объединённая

У подножья Альп. Бывшее место заседания ордена Железной Лилии.

Вокруг одинокого шпиля, погружённого навечно во тьму, кружат снежные вихри, окутывая её практически до самого пика, отчего она пребывает в чуждом просторном великолепии. Её окна не светились, навечно потухнув во мраке, как и свет всего комплекса, который погрузился в сумрачное состояние. Несмотря на ту тишину, то безмолвие, что царило внутри зданий, раскинутых горизонтально горам, зажав великолепную башню, в каждой постройке отчётливо слышалось плачевное завывание вьюги, которая так и рвалась внутрь, трясь об камень под смертоносным ледяным напором.

Вся площадка возле построек замечена напрочь и представляет собой один большой пляж со снежными барханами и дюнами, которые сияют ярким серебром под ликом большой прекрасной луны, едва выглядывающей из-за густых облаков. Каждая снежинка, заигравшаяся в безумно стремительном вихревом танце, подпадая под серебряные лучи тусклого лунного света, становилась подобна мелкому и сиятельному брильянту, который удалось поднять в воздух и закружить вокруг целого комплекса построек, сияющего среди величественной снежной пустоты.

Внутри каждой постройки комплекса царит молчание, запустение и тишина, что странной вуалью повисли на этом историческом месте, отчего оно становилось ещё мистичнее и обворожительнее. Ещё недель назад тут кипела жизнь, а теперь же она являет собой следствие чреды событий, приведших к социальному коллапсу, разлетевшемуся по всему Автократорству.

Если присмотреться, то можно увидеть, как от шпиля на запад уходит целый ряд пристроек, смахивающих на прекрасные готические соборы – такие же устремлённый ввысь десятиками остроконечных башен. На востоке же шпиль теснит огромное здание, смахивающее на огромный пантеон, словно противоборствующий по стилю готике востока.

Практически всё укрыла манящая и загадочная тишина, только ветряной напев тут царствует, но не весь комплекс находится в тени истории, прикрывшись пеленой абсолютного безмолвия. На самом верху, где некогда был кабинет самого Консула великого Полк-ордена, таится нечто или некто, что сыграет немаловажную роль в истории континента. Именно там, в темноте комнаты, тени истории и на задворках мира готовились собраться те, кто стремится к спасению жизней, а придут к более удивительному результату.

В кабинете сидит три человека. Оперившись на подоконник стоит парень в классическом сером костюме и бежевом пальто, снисходившим практически до пола. На его голове повисла неширокая шляпа, так же бежевого цвета, выделяясь из томной темноты целой комнаты. На этом, по виду, мужчине серые, потёртые местами брюки, изведавшие добрую половину судьбоносных событий, коричневые туфли и белая рубашка с жилеткой.

За креслом у деревянного главного стола воссел высокий мужчина, облачённый в ту броню, на которой некогда поклялся в верности Рейху. Сапоги, выполненные в стиле латных, высотой практически под колени. На груди в ночи поблёскивает чёрным металликот специальный пластинчатый нагрудник, и каждая пластина к верху налегала сама на себя. Спину и плечи покрывает кожаное пальто, одетое чисто для вида, для некоего статусного вида.

Ну и третий мужчина разместился на зелёном кресле, будто бы абстрагировавшись от двух других. Его одежда намного скуднее всех и больше походит на обычного трудягу или нищего. Грязная поседевшая небольшая борода, потное и блестящее в свете луны лицо старика, такие же засаленные седые волосы. На нём обычные штаны, ухोдившие под грязные кирзовые сапоги, незнамо откуда. Верхнюю часть тела покрывает банальная телогрейка, ложив-

шаяся на испачканную кофту, а на голове прекрасно уместилась подвёрнутая шапка, чьи края не доходили и до ушей.

Они пришли сюда вместе, к строго установленному сроку, который с каждой минутой должен наступить, чем определит судьбу Империи, хотя мотив каждого из них единственный – спастись. И эти трое понимают всю ответственность, которая на них ложилась, и тем гордились, ибо не каждый день собираются люди, способные изменить мироздание в попытке уберечь свою шкуру от гнева безумцев. В общем, это все те, кто тут пока собрались, но они не предпочитали сидеть в безмолвии, ведя при этом активный разговор.

Никто не помнит, с чего началась эта беседа, то ли с того, что мужчина, сидевший на зелёном кресле, решил узнать про цель этой встречи, а может человек, опёршийся на подоконник, решил начать разговор с некоего повествования, что перешло в оживлённый диалог. Всё это было неважно.

Мужчина, сидевший на кресле возле главного стола, немного подался вперёд и обратился к старику:

– Ну, как твои начинания в том городке?

Пожилой человек тяжело выдохнул и слегка усмехнулся, после чего всё же последовал ответ:

– Неплохо, но всё воля Его. Мало кто из моих знакомых, сейчас лоялен «перевороту», но всё вынуждены сохранять внешние подобострастие сегодняшнему правителю, производя мессу во имя него. Да и богосвященная миссия в том городе удалась. Вышло вывезти практически все реликвии сумрачной длани.

– Реликвии сумрачной длани? – послышался удивлённый возглас, исходивший со стороны подоконника.

– Да, священные тексты о «Часе дьявола», сказание о «Эпохе постогоморризации Европы», времени, которое предшествовало Великой Европейской Ночи или «Часу дьявола», так же ещё множество вещей, пришедши из той эпохи. Есть и артефакты поновее, даже моего времени, когда ещё существовала Информократия.

– Плохо тогда было вашему брату, – спокойно, но с толикой язвы сказал мужчина у окна. – Гнали вас тогда на эшафот и загоняли под пята.

– Любая власть от Бога, – по-старчески тяжело дыша начал старик. – Всё, что творится – творится по воле Его, которая никогда нами не будет постигнута.

– Это точно, – не желая спорить на эту тему, заключил мужчина. – Кажется, что этот безумный мир уже ничего не спасёт.

– Один раз уже людям дали спастись, точнее возможность сберечь души от вечного огня, но насколько же мы безумны, что меняем спасение на что-то ненужное. И вся история перед Великим Кризисом – это акт отречения от Бога, за что мы были и подвергнуты Его гнев.

– Тогда этот мир не достоин спасения, раз так опрометчиво поступил с Его жертвой.

– Ты не прав, – тяжело дыша, говорит мужчина на кресле. – Есть на Земле ещё люди, которые могут войти в Его Царство и ими молитвами, мы грешные, ещё живы.

– Ладно, – прервал всех мужчина, сидящий за стулом у стола. – Приготовимся к встрече.

И когда эти слова слетели с губ, дверь комнаты заскрипела, возвещая о новых гостях. Все обратили внимание на источник звука. В проходе появилась фигура. Это оказался высокий мужчина, и, несмотря на повисший сумрак можно было разглядеть его основную одежду – чёрный камзол, такого же цвета штаны и сапоги.

– Магистр Данте, похоже, это ваше место, – прозвучали слова с толикой покорности и мужчина, сидевший за ним, поспешил встать из-за стола. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Карамазов, это вы. Искренне рад встречи, – словно оксюмороном последовала реплика старого хозяина помещения, когда его речь была выдана с такой эмоциональностью, с которой говорят машины.

Посмотрев на старого седого пожилого мужчину, облачённого в испачканную одежду, везде истёртую, пропитанную потом и грязью, обычного работяги, Магистр обратился:

– Бывший Верховный Отец Флорентин Антинори, я счастлив вас сегодня видеть, – сказал Данте, при этом попытавшись подшутить. – Почему-то всегда так священников и представлял, – кинул Магистр, только чуть позже уловив, что его шутка вкупе с абсолютным холодом в эмоциях похожа на издёвку.

– Позвольте представиться, я...

– Инспектор Морс, – обратился речь Магистр в сторону окна, оборвав мужчину у подоконника.

– Как вы быстро сюда добрались? – тут же поинтересовался Карамазов.

Данте обратился на него свой холодный взгляд и так же прохладно ответил:

– У меня был реактивный самолёт. А потом, сюда в горы, я долетел на вертолёте, который под этот буран практически бесшумно сел.

«Что за несуразица?» – подумал Карамазов – «Самолёт и вертолёт в бурю? Что же ты темнишь?».

После того, как губы Данте сомкнулись, в кабинет вошли ещё два человека, появление которых не было неожиданным, но стало довольно приятным для всех, без исключения.

Первым изволил пройти высокий мужчина, облачённый в обычную военную куртку и штаны серо-чёрной пиксельной раскраски, а на ногах военные берцы. Даже в сумраке ночи было видно, что вся одежда новая, практически только что сошедшая с производства. В объятиях мрака были слабо различимы черты лица этого человека, но основное угадывалось совершенно просто – лицо, имеющие очертание квадрата, в основном мощные, даже грубые, очертания, мощный подбородок, крупные губы и блеснувшие в свете луны светло-голубые глаза, отдавшие чем-то оттенком самого лунного света.

– Ох, Тит, – удивился Карамазов. – Ты выжил.

– Не только, – послышалась безжизненная речь. – Он преуспел там, где нам даже и не снилось. Тит, проходи, – хладно потребовал Данте и добавил. – Ну, теперь вся ваша Тетрархия в сборе, можно начать переговоры.

За крупным мужчиной прошла низкая фигура, чьи очертания под лучами холодного лунного света сильно напоминали формы девушки, несмотря на то, что она была одета в мешковатые чёрные одежды.

– Эмилия, – чуть ли не воскликнув внезапно и, причём довольно бодро и живо сказал человек, стоявший у стола.

– Карамазов? – слегка перепугано от неожиданности, что её окликнут, вопросительно сказала девушка, причём скинув капюшон.

Когда лоскут ткани оказался на спине, на лицо девушки сразу же упали лучи лунного света, которые еле как пробирались из-за поднятых ледяным ветром миллиардов снежинок. Чёрные волосы девушки сразу же отдали шёлковым блеском, прекрасные и во многом милые черты лица стали отражением совершенства, по мыслям одного из присутствующих, а серебряные глаза играли внутренним светом.

– Это Эмилия, господа, та прекрасная девушка, благодаря которой мы собрались сегодня, – как-то скоротечно выдавил из себя Карамазов и, подойдя, встал рядом с ней, что сильно удивило собравшихся.

Всего пару фраз ввели в ступор сразу нескольких человек, ибо такое поведение бывшего инквизитора стало нечто странным, не присущим для него. Данте стоял с лёгким недоумением, не понимая, почему его заслугу пододвинули и даже не его упомянули, ведь Эмилия говорила, что действует от имени и по приказу Магистра и именно он решил собрать Тетрархию. Но, проведя моментальный анализ, сразу понял, в чём тут дело, и не предал этому значения, списав на ещё одну проблему с которой придётся разбираться в будущем. Но помимо Магистра

эта фраза выбила из колеи мышления и Флорентина и Морса, свершив их полную потерю мировоззрения, дав им повод сомневаться в том, что Карамазов чуть больше, чем безжалостный государственный, а ещё может и проявлять чувства к людям.

Морс наклонился к уху бывшего Верховного Отца, дабы не смущать своего друга, и мгновенно прошептал, исказив голос в ехидстве:

– Он сказал «прекрасная» или я сошёл с ума? Отец, может мне пора к психокорректору?

Пожилой мужчина едва заметно усмехнулся и дал ответ:

– Пути Господни неисповедимы, сын мой. Нет, тебе не нужно никуда... и прошу, поменьше язвы. Не богоугодно это.

Секундное замешательство было обречено на крах необходимостью. Данте начал ход, стуча сапогом по полу, и подошёл к свойскому столу, затем присел на кресло и открыл тумбочку столика. После чего достал оттуда несколько бумаг, которые оставил на будущее.

– Зачем ты нас собрал сегодня, Магистр Данте? – сурово спросил инспектор Морс, решая уже перейти к делу. – Не зря же мы сюда пилили через снежные барханы, отмораживая носы и... неважно.

– Потерпи немного. Сейчас перейдём к делу, – сухо отвесил хозяин кабинета и продолжил рыться в бумагах, после чего, практически сразу, нашёл нужный лист и положил его на стол, с шорохом убрав все остальные. – Ах вот... секундочку. Вот. Осенью, предположительно полтора года назад была произведена казнь девушки по имени Калья. Приговор подписан всеми двенадцатью Верховными Лордами, а место казни – «заброшенный театр», – и замолчав на миг, осмотрев всех, оценивая их внимание, он продолжил, когда понял, что его речам внимают все. – Эта фальшь, полная и абсолютная. Один из двенадцати знал, что там не жена второго Канцлера, а подставное лицо, – с пущим холодом завершил речь Данте.

– Так вот ты зачем нас собрал. – С лёгкой улыбкой и недовольством в голосе выплеснул Морс. – Тебе нужны лишь сведения.

– Погоди, пусть расскажет всё, – тяжело дыша, сказал бывший священнослужитель, – мы должны знать всё.

– Спасибо, – без всякой дрожи или тембра отвесил похвалу Данте. – Жена второго Канцлера была казнена ему в назидание, но до конца собственной жизни он и не осознавал, что его вечная любовь жива и здравствует... какая ирония. Не знает и нынешний Архиканцлер, что очень хорошо.

– Что вы хотите, говорите конкретнее, – потребовал Карамазов и добавил. – У всех у нас не столько много времени, и ещё меньше возможностей, использовать это время. Таков наш мир и лучше сразу перейти к действиям, если они будут нужными.

– Хорошо, – согласился Данте. – Нам будет предпочтительней, если Тетрархия начнёт свою деятельность по подрыву обстановки на территории, где сейчас жена убитого Канцлера, чтобы мы смогли её вытащить для собственных целей.

Магистру тяжелее всего дались слова, связанные с прошением начать эскалацию обстановки, ибо он всю жизнь стремился к сохранению мира, стабильности, но сейчас вынужден просить об обратном.

– А неплохой бартер! – вспыхнул Морс. – Мы вам даём информацию, делаем за вас грязную работу, а вы забираете готовое. Где хотя бы гарантии, что мы потом все живы останемся и вы, господин Консул... ах Магистр, не бросите нас.

Внезапно полился милый певучий голос, а это означало, что в спор ввязалась Эмилия:

– Нет никаких гарантий, что и вы нас не обманите.

– Хм, – фыркнул инспектор. – Можем условиться о месте передачи выжившей жены, если она вам так нужна.

– Что ты такое говоришь! – в праведном гневном воскликнул Флорентин, при этом начав тяжело подниматься. – Тебе совсем рассудок затуманило, я тебя совсем не так учил. Она не

какая-то вещь, что бы ей помыкать и торговать. Это намучившаяся женщина, забитая в угол. Ей нужна наша помощь и помощь ордена.

– Не думаю, что можно брать поддержку от ордена, – язвительно кинул Морс, обратив упрёк против Данте. – Ведь прошлый орден не смог пресечь прихода к власти безумного тирана и не борется с ним сейчас.

– Пойми Морс, ни мы, ни орден не может сейчас тягаться с Архиканцлером и единственный способ на спасение – это объединиться. Иначе нас разобьют, – вступился Карамазов.

– Морс, я последние дни то и дело боролся с Архиканцлером, и скажу тебе, что его сила непомерна. И даже целой армии не противостоять ему более нескольких дней. Молот его армий сокрушителен. – С явной усталостью проговорил Тит.

– Инспектор, только вместе мы сможем добиться успеха. Ваши связи, ваш гений и наша сила – этого хватит, чтобы добиться цели. – С хладностью льда проговорил Данте, стремясь убедить Морса.

– Нет-нет-нет, – яро запротестовал Морс. – Нас, родину, бросил орден и вы, уважаемый Магистр, когда к власти шёл безумец, по имени Рафаэль. Вы могли его остановить и не допустить массовой бойни везде и всюду. Могли но не стали... почему? Не уж то ваша идея порядка стоит литров крови? А?

– Морс, – пытается сказать что-либо Магистр. – Послушай...

– Скажите Данте, – обрывает собеседника в неприязненной речи инспектор. – По какой цене ваши безумные идеи порядка?

– Послушайте, я не мог передать власть буйствующей толпе. Или вы хотели, чтобы от безумия распалась вся страна, Морс?

Инспектор ещё с полминуты оглядывал присутствующих, остановленный железной холодной речью Магистра. Он видит бывшего Верховного Отца, чья мудрость его убеждает, а слово хоть и кажется слишком религиозным, но всё же понятно. Видел и Тита, который испытал мощь и жестокость «его» войск и знает, что нужно именно сейчас выступить против гнетущего безумия Архиканцлера. Смотрит на Карамазова и Эмилию, стоящих рядом с друг другом и чуть ли не в один голос готовых его убеждать в своей правоте, что кажется ему странным, но в их словах он находит зерно истины. И Морс, с неохотой, но согласился.

– Хорошо, Магистр, – обернувшись к тому, кто сидел за столом, исказив голос в недовольстве, сладился инспектор. – Так уж и быть, Тетрархия единодушно выступит на стороне ваших интересов.

– Отлично, – в голосе Данте можно было услышать некие слабые нотки бодрости, вкрапленные в лёд. – Нам понадобится проработка, нам нужен план, но самое главное, что мы будем делать, это направим все силы, все ресурсы на то, чтобы ослепить око Архиканцлера, направить его в другую сторону. Приковать его внимание к совершенно другой области, а затем моментально нанести удар, обойти все защитные системы Автократорства и вырвать девушку из того кольца, в котором она оказалась. Затем нам нужно будет её вывести из-под одумавшихся слуг Архиканцлера, – и замолкнув, Данте обратил своё внимание на инспектора Морса. – Но что бы всё это сработало, нам нужны точные координаты девушки.

– Господин Магистр, – осторожно обратилась Эмилия. – Тот пакет данных, который я не так давно вам передала, там разве ничего нет?

– Нет, там ничего. Вся информация была проверена и ничего не обнаружено. Похоже, устаревшие данные, – Данте тут же обратился к человеку, с худым лицом и в шляпе. – Морс, ты случаев не знаешь?

Инспектор в прошлом, услышав это, слегка ехидно улыбнулся, потёр нос и назвал место пребывания объекта, чем повергнул остальных в неподдельный шок.

Глава пятая. Златая нить в ночи

На следующий день. Утро.

В доме повисла плотная непроницаемая тишь. Стало даже слишком тихо. Лишь слышны были лёгкие переговоры за окнами помещения, выходившие в сторону невзрачного пейзажа, превращаясь в банальный говор о жизни и политики, которые слышатся в любое точке страдающего земного шара.

В доме всюду стелется лёгкая прохлада, даже гранича с лёгким морозом, который мог спокойно пощипывать незащищённый кожный покров. Всё из-за того, что в доме установлено несколько мощных кондиционеров, которые окатывали этот дом волнами, делая в нём температуру более-менее нормальной, нежели за стенами дома. Но временами эти кондиционеры и тепло целыми массивами выдавали, когда в комнатах становилось уж слишком холодно, обращая хлад в приятное и чудесное тепло.

Внутри дом всюду облицован деревянными плитками у пола, а стены обклеены светло-зелёными обоями, которые отдавали изумрудным цветом, словно сами состояли из драгоценного напыления.

Домик двухэтажный и снаружи выглядит как обычное двухэтажное строение, построенное точь-в-точь в стиль местного колорита, но внутри отделано всецело в стиле английский аристократических поместий викторианской эпохи, которые так и манили своей изящностью и утончённостью из истории давно прошедших времён.

Дом усеивали сотни предметов изыска, не свойственных этому месту, выбиваясь из общего колорита. От прекрасных кувшинов и цветов, до восхитительных резных столиков и помпезных предметов мебели и сервиса, которые так и напоминали о временах роскоши и благоденствия эпох европейского расцвета. На стенах висят картины, выполненные кистью самых лучших мастеров из древних эпох и времён. Произведения искусства, которые могут быть дотированы временами того периода, когда по земле ходили воины, облачённые в стальные доспехи, вооружённые клинками, нарисовавшие на груди кресты и ставшие воевать за веру, не щадя тела своего, ибо верили, что этим душа спасётся. И ко всему этому множество украшений из золота и серебра, что расплескались драгоценным металлом по всему дому.

Но не стоит прельщаться такой, с первого взгляда, роскошью, которая встречалась на каждом шагу, ибо в тени неё стоят те, кто могли переломить хребет любому нарушителю, что посмеет сюда проникнуть. Всё находится под строжайшим контролем пятидесяти одного охранника, что незримо и неусыпно несут службу, втайне от всякой власти и ведома кого-либо.

Вся охрана сводится не к защите одной комнатухи или даже человека, который в нём живёт. Всё было направлено на то, чтобы удержать эту комнату от любого посягательства со стороны, пускай даже и ценой жизни.

Сама комната имеет довольно невнушительные размеры, однако отличалась своей роскошью и даже неприличной помпезностью. В ней и прекрасная кровать с шёлковым и монохромным бельём, качество которого могло посоревноваться с качеством постели самого Великолепного Султана. Тумбочки, стулья, столы и вся иная мебель без спора по своему качеству и изяществу превосходила мебель многих шейхов из Аравийских Эмиратов и с прекрасной отделкой этой мебели, представленной в виде узоров, форм животных, обивки благородными металлами, гравировки и инкрустации драгоценными камнями, могла поспорить только отделка мебели самих Великих Шейхов. Вилки и ложки были сделаны из столового серебра. С белоснежного потолка, выполненного мраморными плитами, висит довольно приличная люстра, похожая на равно уложенные свисающие виноградные лозы, сделанные из настоящего горного хрусталя, что на свете мог переливаться сотнями самых различных оттенков и цветов.

Несмотря на всю роскошь в комнате не было ни телевизора, ни компьютера, ни даже радио, но это обусловлено только безопасностью.

Предметы быта, выполненные максимально изящно говорят только о том, что здесь может находиться только император, но никак иначе. Но действительность была иначе, чем это представлялось и старалось выставиться напоказ.

К комнате неспешными шагами, аккуратно удерживая в руках книгу, подходил человек. Это высокий седой мужчина, с зализанными назад серебряными волосами и начисто выбритым подбородком. Человек оделся в хорошие чёрные брюки, покрывавшие блестящие лакированные туфли, что шаркали по бесценному паркету. На торсе мужчины был чёрный жилет, который покрывал белую рубашку. А в слегка морщинистых руках он удерживает небольшую книгу в чёрной обложке с непонятными символами на лицевой стороне.

Мужчина подошёл к двери и постучал в неё. В ответ прозвучал еле уловимый голос согласия, но его уловил человек и открыл дверь.

Резная дверь отворилась и на вид предстала девушка, сидевшая на кровати и читавшая некую книгу в зелёной обложке. Она одета в весьма обычную, даже неприлично скромную для этих хором одежду. На ней колышется от лёгкого вентиляционного ветра обычная лёгкая кофта, сшитая из серых нитей, белые мешковатые и свободные штаны. Сама девушка была довольно стройная и даже подтянутая. Цвет её кожи напоминал больше слегка побледневший персик и напоминал светло-зеленоватую бумагу. Лицо прекрасной дамы имеет очертание овала, имевшего треугольные формы. Широкий нос и прекрасные пышные алые губы, идеально сочетались с глазами, которые были цвета безупречного сапфира. А медно-рыжие, но довольно затемнённые, волосы прямыми локонами волнами опускались до поясицы.

– Дюпон, это ты? – напевным голосом спросила девушка. – Проходи, не стой там, прошу тебя.

– Да, госпожа, – со слегка французским акцентом ответил мужчина и продолжил, излагая цель визита. – У вас всё хорошо?

– Ты опять? Ну, зачем, я хорошо себя чувствую, – с отмашкой, исказив губы в лёгкой улыбке, ответила девушка.

– Это моя работа, госпожа и залог вашей безопасности. Я должен.

– Ну, разве тебе не тяжело, не надоедает эта процедура?

Вопрос девушки прозвучал подобно тому, как подросток спрашивает родителя о чём-либо, стараясь сгладить вопрос внутренней игривостью.

– «С долгом всё становится проще» – ответил мужчина и лирически завершил. – Как вы думаете, ваш супруг хотел бы, что бы вы себя подвергали опасности?

– Хорошо, – ответила девушка, тяжело выдохнув и слегка поникнув ликом. – Ты как всегда прав.

Дюпон подошёл к её кровати и достал из кармана специальное устройство, выполненное в форме небольшого чёрного брусочка. Он аккуратно взял руку девушки и поднёс её к бруску. Затем он вынул иголку и ткнул её в палец девушки. На прекрасной коже проступила красная насыщенная жидкость. Мужчина поднёс брусок к крови и приложил его торцом к ранке. Устройство тут же вспыхнуло, пару раз мигнуло зелёным цветом и выдало цифры на лицевой стороне. Дюпон всмотрелся в них и стал внимательно изучать, рассматривая каждый показатель, написанные очень мелким шрифтом. И буквально с минуту простояв, всё просмотрев, он заговорил с девушкой:

– Вот видите, у вас всё в порядке. Все показатели в норме.

– И стоило волноваться, – слегка возмущённо и кинула прекрасная девушка. – Скажи, ты же знал, что всё так будет.

– Конечно, – не поднимая голоса начал Дюпон. – Это залог вашей безопасности. И мой долг, который мне был дан вашим покойным супругом и хозяином.

При упоминании своего недавно умершего мужа девушка поникла лицом, а на её лице начала мрачной тенью проступать коварная печаль. Слуга это заметил и поспешил приподнять настроение своей госпожи, попытавшись увести её от темы мужа.

– Госпожа, кстати, как вам книга? Интересно или новую принести?

Девушка слегка выдохнула и заглянула своими сапфировыми глазами в зрелое лицо своего слуги и ответила:

– Ну почему сюжеты этих историй практически одинаковы? Всегда есть пара, у них случается несчастье и парень идёт спасать. Это романтично, но в постоянном повторении – скучно.

– Так люди былых времён пытались показать важность любви и подвига. Они хотели в книгах показать, что без подвига не бывает любви, что человек должен был пойти на всё, чтобы спасти то, что важнее жизни. – Сурово, но достаточно мягко пояснил Дюпон.

– Может ты и прав, но такие истории нужно воспевать в одах и стихах, а не расписывать сухими языком прозы, – до конца не соглашавшись, ответила дама и мгновенно переключила своё внимание на предмет в руках своего слуги. – А это что у тебя за книга?

– Ах, это? – и взяв в обе ладони тонковатую, не более ста страниц книжку. – Это произведение, написанное в конце эпохи Великой Европейской Ночи, называется как «Методы Прикладной Тирании».

– Ох, – засмутилась девушка, услышав странное название. – И что это за методы?

– Писатель говорит, что таких методов всего несколько. Во-первых, это высшая цель, которая никогда не будет достигнута. Если правитель ставит такую цель, желаемую всем людям, утопическую, то народ превращается в его рабов, так как сделает всё ради выполнения этой цели. Во-вторых, правитель наделяет себя божественными свойствами, объявляя «посланником», «рукой господней». Тем самым он позволяет себе творить любые бесчинства от имени того, к кому никаких претензий нельзя объявить. В-третьих, это вездесущий и постоянный контроль. Это даёт человеку опрокинуть любую личную свободу людей, – и, прервавшись, заведя руки за спину, слуга продолжил. – Конечно, писатель перечисляет ещё множество методов, вроде подавления любой свободы или уничтожения всех несогласных с его правлением, но самым главным он называет именно первый метод.

– Почему?

– Потому что, только если в обществе или группе людей есть идея, которая является утопией, становится воплощением движения к идеалу, то тогда все закрывают глаза на то, что может происходить вокруг. Эта идея слепит подобно солнцу, заставляя не видеть ничего по сторонам, и что происходит вокруг. Люди, ослеплённые этим ярким светилом, могут спокойно подчиняться любой несуразице, которую им предлагают. Они попросту не видят ничего, кроме этой идеи. И именно утопическая идея один из методов тирании.

– И что же нам делать?

– Не быть инструментами тирании, трезво смотреть на вещи и не вестись на красивые слова, – скоротечно ответил Дюпон и взглянул на наручные часы. – Ох, мне же идти нужно. Посмотреть, что на кухне наготовили.

– Постой! – воспротивилась девушка. – Ходят слухи среди охраны, что ты можешь...

– Что могу? – Заинтересованно спросил Дюпон.

– Предсказывать будущее. – Выдала, наконец, девушка.

В ответ слуга лишь поморщил бровями, словно услышал клевету на себя, но вспомнив кому служит, смягчился и ответил, зная, что девушка задала этот вопрос скорее от скуки, нежели из практического интереса:

– Моя бабка была прославленной колдуньей и предсказательницей. Вот и говорят, что я могу предсказывать будущее, хотя эта полная чушь. Разве колдовство это правильно? Это скорее антинаучно.

– Но слухов без «дыма» не бывает.

Слуга уже понял, чего хочет его госпожа, но до последнего не собирался исполнять её желание, ибо «никто не должен знать о своём будущем слишком много», как сказано в одном из очень старых фильмов.

– Ну, так это правда? – всё продолжала докапываться девушка.

В ответ слуга слегка улыбнулся и попытался уйти от ответа:

– Ты же знаешь, что в той местности, той стране, где мы сейчас находимся ни о каком колдовстве, прорицательстве и думать нельзя. За любые слухи могут повесить или сжечь. Наш сегодняшний мир не приемлет ничего кроме слепой веры тем, кто его ведёт.

– Я тебя прошу, не пытайся уйти от темы, лучше скажи, что будет дальше, – с полными энтузиазмом глазами спросила девушка, ожидав то, что слуга всё-таки окажется тем, кем она ждёт его увидеть. – Даже если не пророчества, но анализ ситуации тебе же подвластен?

– Разве я похож на колдуна? На того, кто носит остроконечную шляпу и носит с собой хрустальный шар? Разве я тот, кого можно посчитать пророком? Разве на мне есть балахон, и я перед вашими глазами творю чудеса? – упрекнул свою госпожу слуга, но увидев на её лице лёгкое помрачение, он смягчился, посчитав своё поведение недостойным и даже грубым. – Нет, моя госпожа. Я всего лишь ваш верный слуга, который исполнит любой ваш указ. Который только и живёт указами ваш... Своего первого и единственного хозяина, который заповедовал мне вас хранить как зеницу ока.

Дама уяснила несуразность собственных требований, поняв то, что время пророчеств и великих пророков, вроде Сарагона Мальтийского, Ламеса Иллирийского или Иезекииля Штормопровидца давно и безвозвратно прошло. Её на долю мгновений опечалил тот факт, что это время давно кануло во мрак, сменившись на фанатизм веры, и больше не будет того, что заставляло людей страшиться или возвеличивать будущее на основании того, что произнесли великие пророки. Но девушке прельстило то, что у неё есть столь верный слуга, который ради неё готов всё, что потребуется ради её же блага и спокойствия.

Губы девушки разошлись в широкой улыбке и на свет показались белоснежные зубы. Дама откинулась на кровать и задала вопрос Дюпону:

– Ты уже больше года служишь мне и разве тебе это не надоело? – вкрадчиво прозвучал вопрос.

На лице Дюпона пробежала тень возмущения, смешанная с негодованием и даже лёгким гневом, но он довольно быстро подавив все негативные эмоции, вспыхнувшие в его душе, понимая, что его госпожа не со зла задала этот каверзный вопрос, чем вызвала негодование. Мужчина в ответ широко улыбнулся, словно подавляя весь негатив, и ответил на вопрос:

– Конечно же нет, моя госпожа. Мне только приятно вам помогать и служить, несмотря на то, что хозяин сказал мне всего лишь присматривать за вами. Я только рад буду вам помочь всем тем, чем смогу.

И уже повернувшись, для того, чтобы уйти он поднял правую руку вверх, согнув её в локте. Он всё же решил сделать, о чём просила его девушка, причём обратившись к ней по имени:

– Я сделаю вам предсказание, но не стороны «магии», а с высоты своего опыта жизни.

Дама заинтересованно приподнялась и устремила свой взгляд, полный ожидания, а тем временем Дюпон начал говорить:

– Вы, Калья, супруга покойного второго Канцлера, который любил свой народ, так же как и вас. И вы не сможете остаться в покое ближайшее время. Слишком долгое время вы были в политике, оставаясь во мраке мира. Над теми местами, которые вы любите, сгущаются сумерки, и настанет новая ночь. Вы же можете оказаться той лентой света, что может рассеять её. Да, приготовьтесь быть золотой нитью в ночи, за которую потянутся те, кому нужна будет помощь.

И договорив своё «пророчество», Дюпон вышел за дверь и оставил Калью один на один с тем, что сказал.

Глава шестая. Дела сердечные

Полдень этого же дня. Внутренняя база ордена №17.

Карамазов слегка прищурился, когда лампа ударила ему в глаза волной неприятного света, но он справился за долю секунды и восстановил контроль над площадкой. Помещение весьма небольшое, выложенное листами серого металла, пол же бетонный, но мужчина не успел его рассмотреть, ибо отпрыгнул назад, чтобы его не задел меч. Когда оружие пролетело в сантиметрах от спортивной кофты чёрного цвета, он перешёл в атаку и деревяшка, похожая на лезвие, с глухим звуком застучала о такой же кусок древесины.

– А ты быстр, господин инквизитор! – заявила черноволосая девушка, чьи волосы цвета угля обрамляли прекрасное слегка округлое лицо, облачённая в спортивную чёрную одежду. – Но недостаточно!

Девушка совершила резкий выпад, намереваясь коснуться притупленным кончиком груди Карамазова, но воин, сохраняя абсолютное молчание, резко ушёл в сторону и восходящим ударом коснулся рукояти меча, у места, где дерево сжимали худые пальцы девушки и оружие выскользнуло. Немедленно он кинулся к девушке и, зайдя со спины, погрузил в свои объятия фигуру дамы, которая на порядок ниже его и приставил лезвие меча к шее, тихо говоря:

– Госпожа Эмилия, вы проиграли.

Внезапно на площадку вышел ещё один мужчина, половину лица которого скрыла шляпа.

– Ты не можешь с ней расстаться даже на базе? – спросила девушка, смотря на цвета охры шляпу.

– А говорили, здесь тренировка будет, – язвительно заявил человек в бежевом пальто и рубашке белого цвета, в брюках и округлых туфлях. – Ошиблись. Разве можно назвать боевой тренировкой, когда два взрослых человека стоят и жамкаются?

– Ты что-то хотел? – спросил Карамазов и ступил вперёд, выпуская девушку из объятий.

– Да, там начинается подготовка, Данте всех зовёт на совещание. Мне передать, что ты не придёшь? – сказав, Морс едва улыбнулся.

– Что ты хмыляешься? Сейчас мы будем.

– Хорошо, – отдал лёгкий поклон Морс и пошёл прочь к двери. – Только не задерживайтесь, ради всего святого.

– Ох, – покачал головой Карамазов, утирая пот с покрасневшего лба и щёк; он обернулся и увидел, как Эмилия тоже утирает с лица, налитым алым струйки пота, подбирая потерянное оружие.

– Нужно идти готовиться, а то скоро выходить на операцию. – Сказал Карамазов, касаясь ладони девушки, ощущая кожу нежных рук и вынимая меч, чтобы положить их на стойку, к остальным тренировочным клинкам.

– Это собрание для вас, – тихо промолвила Эмилия. – Мне туда нельзя. Но я буду рада тебя туда проводить.

– Пошли.

Карамазов и Эмилия пошли к небольшой двери, ведущей в один из многих коридоров, расположенных под толстым слоем земли. Бывший инквизитор был крайне удивлён, когда узнал, что у полк-ордена разбросано по всему Рейху не менее двадцати скрытых оперативных баз, которые продолжают служить Магистру, скрываясь от глаз нового правителя. Сейчас, они вблизи Милана и Карамазов был удивлён, как их до сих пор не рассекретили, но Данте а его вопросы лишь холодно отмалчивался.

– Ты неплохо сражаешься, – сказала Эмилия. – В Инквизиции научили?

– Не совсем... – тяжёлой речью донёсся ответ, и Карамазов опустил голову к груди, погружаясь в несладкие воспоминания. – Да, в Инквизиции учат владению мечом, но я вырос в ту эпоху, когда выживать приходилось в драках и бойнях. Италия до прихода Канцлера была слишком адским местом, чтобы не научиться владению холодным оружием.

– И как же ты стал Верховным Инквизитором, если рос на улицах?

– Поступил на службу Инквизиции, когда она только появилась, а после... «Часа падения ангелов», мне был дарован этот титул.

– И что же там случилось?

– Я... я не хочу это вспоминать. А ты где так научилась махать клинком? – моментально вопросом перевёл тему Карамазов. – В ордене? Я просто не видел, чтобы слуга Данте так умело обращался с мечом, и поверь, ты достойный противник.

– Спасибо, – губы девушки расписала лёгкая улыбка. – Да, всему я научилась в ордене.

Карамазов и Эмилия вышли за дверь, ступив шнурованными лёгкими ботинками на бетонный пол, сдавленный серыми стенами низким потолком, на котором прикреплены лампы, освещающие проходы тусклым лунным светом.

– Родители, наверное, гордятся тобой.

– Не знаю, – омрачённо ответила девушка. – Я их давно не видела.

– Они бы гордились. Судя по тому, кого я вижу перед собой, тут нет повода не гордиться.

На тёплые слова Карамазова Эмилия ответила широкой и милой улыбкой, ибо девушка впервые за долгое время услышала о себе столь хорошие слова. За долгие года службы она получала только похвалу, которая пропитана официозом и ничего больше. Никакого тепла, ничего приятного для сердца.

– Ты действительно так думаешь?

– Да. Мой друг Морс смеялся бы надо мной, но я готов это повторить ещё раз. Как можно не гордиться красивой и умелой дочерью, которая стала оперативником ордена?

– А как твои родители?

– Боюсь, на этот вопрос я не отвечу, – сдерживая скорбь о прошлом, вымолвил с холодом Карамазов, и девушка мысленно поняла, что эта тема слишком болезненная для мужчины.

– Как думаешь, мы найдём ту, кого ищем? – спросила Эмилия. – Мне кажется, что всё это будет напрасно, что опять это станет погоней за

– Думаю да. По крайней мере, она – наш последний шанс исправить что-то в Автократорстве, и единственная возможность приструнить нового правителя, будь он не ладен.

На сокрытую злобу Карамазова холодные стены коридора ничем не ответили, лишь Эмилия ощутила, на удивление для себя, эфемерное сочувствие, эмоцию слабой боли соболезнавания.

– Чтоб он помер, – сорвался на злобу Карамазов, тут же опомнившись. – Прости, Эмилия, я не должен был...

– Я понимаю. Это всё из-за того, что случилось во Дворце Духовного Правосудия? Так что же там произошло?

– Тебе действительно интересно? Интересно, что там было?

– Да, но если тебе больно это вспоминать...

– Нет, раз тебе интересно, ради... тебя, – смущённо твердит Карамазов, – я расскажу, – бывший инквизитор немного помедлил, собираясь с силами. Когда случился переворот, я собрал во Дворце всех инквизиторов, до которых смог дотянуться.

– Зачем?

– Я хотел добиться рассмотрения дела по факту духовного несоответствия нового правителя чину Канцлера, но всё пошло к чёрту. Один из тех, кто вместе с нами заседал в Ордене «Железной Лилии» доложил всё Архиканцлеру и на нас напали наши братья по инквизиции.

– А вы?

– А что я мог противопоставить? – отчаянно сам у себя спросил Карамазов. – Армия Рейха, Гвардия Трибунала, Храмовники и Стражи Шпиля – все они бросились на нас, взяли дворец в окружение и терзали его. Я и ещё несколько сот инквизиторов при поддержке охраны Дворца пытался продержаться пару дней, но всё было тщетно.

– И как же развивалась битва?

– С утра они взяли нас в окружение. До сих пор помню, как кто-то наивно полагал, что с ними можно вести переговоры, а затем... нас атаковали. Армия быстро заняла внешние стены и ринулись во внутренний двор. Я никогда ещё не видел столько боли и разочарования в глазах, и никогда не забуду как люди под моим началом буквально рыдали, что теперь их считают отступниками.

Эмилия удивлённо слушала Карамазова и удивлялась нисколько его рассказу, сколько человеческой дрожи и сожалению, которые льются с его речью. Для неё Верховный Инквизитор всегда был человеком волевым и холодным, как Данте... так она его себе представляла.

– Днём же, – продолжает Карамазов, – они ворвались во дворец. Я стоял на самом краю, встречал их у ворот, бился с солдатами Рейха и знаешь... я хотел бы это забыть. От моей руки пало столько тех, кого я был рад защищать и братья... их столько пало...

Карамазов остановился, чтобы придержать себя за грудь, его сердце забилося бешеным барабаном, воспоминания прошлого объели огнём душу мужчины, и паническая слабость попыталась его пленить, но усилием воли Карамазов удержал себя в руках.

– С тобой всё в порядке? – прильнула к мужчине Эмилия. – Что-то ты совсем расклеился.

– Всё в порядке, – выпрямился Карамазов. – Всё хорошо, просто слишком тяжкие воспоминания. Так вот...

– Не нужно, – резко оборвала его Эмилия. – Прошу, остановись, если воспоминания такие трудные. Я не хочу, чтобы ты получил нервный срыв.

– Ох, ты так добра, – улыбнулся Карамазов, удивляясь, что за столь долгое время его здоровье кому-то не безразлично, не считая того инцидента в Пустоши. – Давай тогда сменим тему, а то разговоры про инквизицию до добра не доведут.

Из-за угла, возле которого они остановились, послышались шаги. Карамазов подтянулся, сделав вид, что ничего не произошло и через мгновение встретил человека в чёрной короткой куртке, свободных штанах и высоких берцах того же цвета.

– Тит, – посмотрел на грубое лицо Карамазов. – Рад встрече.

– Что ты хотел, Тит? – прозвучал вопрос Эмили.

– Да, – без эмоций дал ответ мужчина. – Магистр Данте вызывает вас на общую встречу, Эмилия.

– Понятно. Мы сейчас будем.

– Я послан вас проводить до Пункта Стратегического Планирования, – низким голосом произнёс Тит. – Идите за мной.

Карамазов и Эмилия без пререканий согласились и пошли вслед за крупным воином, который повёл их по длинным множественным коридорам, которые – дороги к множеству кабинетов, казарм, мастерских и складов, готов исполнить волю Магистра в любой момент ради исполнения великих целей.

– Тит, – обратился бывший инквизитор. – Что ты можешь рассказать о себе?

– Я оружие воли ордена, господин Карамазов, – прозвучал ответ, не такой безжизненный, если бы это говорил Данте, но всё же пронизанный холодом. – Большого обо мне нечего сказать.

– Ну, а история? Кто ваши родители, где вы жили до ордена? Что-то же вы должны иметь из этого.

– Знаете, мир до прихода первого Канцлера не являл собой «дом милосердия». Я рос сиротой на улицах Тираны, но полк-орден дал мне кров и пищу, когда я бежал в Империю во время её становления.

Карамазов не удивлён такой короткой и весьма приевшейся истории. Мир, который столетиями назад обрёл себя на жалкое существование, подломившись под башней собственной гордыни и тщеславия, стал похож на отражение ада, в котором люди подверглись страшному мучению. И неисчислимое множество людей получили глубокие раны, увечья на душе во время существования в эпоху разброда, но пришёл первый Канцер, а с ним железная мораль и порядок, только вот раны прошлого люди до сих пор продолжают нести на себе.

– А что было в подгороде Рима, Тит? – спросила Эмилия. – А то мы не особо успели поболтать.

– Ничего особенного, – дал скупой ответ воин.

– Ну, хоть что-нибудь, Тит. Мы же в одном ордене, а твой рапорт настолько сухой, что им можно

– Да тут особо нечего говорить. Обычные подземные бои, боины в канализации и выживание. Всё то, для чего нас тренировали и готовили.

– Тит, ты же соприкоснулся с целой цивилизацией. С теми, кто ещё живёт со времён Великого Кризиса, и ты там ничего удивительного не встретил? Там же жили люди, которые сохранили свою бытность и культуру. Я бы хотела посмотреть на то, как там всё устроено, это же интересно.

– Не скажу, что там так чудесно, как ты думаешь, Эмилия, – хладно проговорил Тит. – В конце концов, никто не рад жить в канализации, на дне города... и имперского общества.

После слов Тита все трое продолжили идти в полной тишине, по однотипным коридорам, спускаясь по серым лестницам, пока не оказавшись в очередном коридоре, Карамазов не проронил вопрос:

– Я знал Данте ещё во времена, когда случился конфликт «Часа предательства ангелов», и до сих пор не пойму... чего он такой... безжизненный.

– А ты я та

– Да, но вся информация по нему была засекречена. Как так-то?

– И даже тебе, Верховному Инквизитору, ничего не выдали? – ухмыльнулась Эмилия.

– Нет. Статус информации о нём таков, что им может пользоваться только Канцлер и Верховный Отец. Это как-то связано, с началом его жизни, Тит?

– Я знаю о нём столько же, сколько и ты. Славный командир, нам всем как отец, радуется за родину и больше ничего.

Впереди показалась дверь, конец коридора, за которым кроется Пункт Стратегического Планирования и Карамазов, не желая узнавать что-то у Данте, решил расспросить всё у спутников:

– Эмилия, Тит?

– Да ничего мы не знаем, – взяла слово девушка. – Дела души нашего Магистра это... дела его души и нечего в них лезть.

– Простите, если задел вас, – сухо начал Карамазов, продолжил далее, чуть смягчившись. – Прости, Эмилия, не хотел тебя обидеть, просто желал узнать что-нибудь о Данте, а то как Консула, имперского деятеля в конце концов я его знаю, а вот как человека... с этим трудно.

– А зачем тебе оно?

– Тит, мы оказались в таком положении, что лучше бы узнать друг друга получше, всяко может пригодиться.

– Хорошо, я не против, только вот ты да Эмилия, узнавайте друг друга получше, а я уж как-нибудь и так проживу. Сейчас лучше приготовьтесь к собранию, – Тит приложился к ручке, опустил её и потянул дверь на себя. – Проходите, располагайтесь.

Глава седьмая. По слову Имама

На западе Аравийских Эмиратов. Где-то в мегалополисе Мекка. Три дня спустя.

Солнцепёк слишком страшен и стало очень жарко для этого времени года, но это и есть Аравия, а после тяжёлых военных действий тут теперь навсегда будет стоять истошный жар пламени небесного светила. Ни ветра, ни даже лёгкого дуновения не разрывает этого раскалённого ада, что воцарился над великим городом. Палящее солнце жестоко терзало эту землю солнечным огнём, заставляя воздух обжигать сами лёгкие. Да, каждый вздох в этом месте давался с болью, ибо воздушный кипяток стремился выжечь внутренние органы.

Весь «ад», сотканный из жары и духоты навис над городом, который со временем стал настолько священным, ибо стал единственным пристанищем Единой Мусульманской Веры, Великим Исламаторием... у этого великолепного города было множество имён, но все они не могли отразить величия этого города, который тем не менее окунулся в омут религиозности с таким дурманом, что Конгрегация Христианской Веры или в прошлом Империял Экклесиас могла лишь позавидовать тому, как новые последователи веры «Пророка» излагают мысли и идеи в массы и как их слушают.

Город стал настолько огромным, что в нём вмещалось больше пятидесяти миллионов жителей, ведущих образ жизни, утверждённый Великой Мусульманской Эмиратской Мечетью – религиозной исламской организацией, которая и правила вместе с Королём и Советом Шейхов. Никто не смел нарушить священного порядка, ибо он «предопределён самим Аллахом, и преступление его есть опаснейшей богохульство против нашего Бога и слов его пророка», как утверждали имамы. За порядком следили «Низшие Кади», которым вверили в руки отслеживание следование народа тому порядку, что был установлен. Если свершалась любая ошибка, вплоть до обычного неправильного жеста или незначительного отклонения коврика на намазе, человека могли подвергнуть тут же огромному штрафу или высечь пятью ударами, ибо он «нарушил священный порядок, установленный самим Аллахом». А если каждый шаг был под контролем, то говорить о собственных воззрениях и говорить не следует, ибо, как сказано: «Все ваши идеи, мысли и слова определены самим Аллахом и не должны противоречить тому порядку, что он установил, ибо это преступление против мира и Всевышнего!»

Но, несмотря на жуткую религиозно-духовную тиранию Великой Мусульманской Эмиратской Мечети, город не погибает в трущобах и обязательных податях её, которые составляли пятерину дохода. Мегалополис процветает. Большая часть городских автомобильных дорог покрыта новым чистым асфальтом из самых современных химических составов, без единой трещинки, а местность у правительственных и религиозных зданий вымощена плитами из мрамора. В мегалополисе раскинулись прекрасные парки, с пышущей зеленью и красивыми цветами востока. По всему гипергороду строили прекрасные комфортабельные постройки, что могли напоминать маленькие поместья или небольшие дворцы. Самые скромные дома в этом мегалополисе были похожи на одноэтажные виллы с собственным ограждением, представленной стеной, внутренним двориком и садом.

К центру город рос, словно лесная чащоба. Одноэтажные постройки сменялись на более высокие и всё выше и выше, вплоть до небоскрёбов, где самые низкие были от четырёхсот метров, а самый высокий достигал девятисот метров и именовался как «Шпиль Аллаха». Нетрудно догадаться, что именно он был в собственности главной и единственной религиозной организации. И посреди улиц высотного леса, который отражал тысячи солнечных лучей и сиял подобно небесному светилу, воцарилась вечная тень и неестественная прохлада, ибо лучи главной звезды сюда практически не попадали.

Но внутри этого города словно повисло напряжение, витающее тут уже многие года. «Младшие Кади» заповсюду, отслеживая каждое действие покорных им людей. Никто не мог уйти от всевидящего ока Мечети, что стремилась установить тотальный религиозный порядок над людьми. И казни не были столь редким явлением. Многие города Аравийских Эмиратов были оборудованы специальными проспектами, где расстреливали и вешали тех, кто «Преступил духовный закон веры». И если бы не запахо-очистительные воздушные установки, которые ароматизировали вдыхаемые массы, то большинство городов давно бы задохнулось от трупной вони.

В самом мегалополисе люди, которые раньше обвинялись в различных преступлениях, старался ходить с немного припухшими глазами вниз, так как это «Угодно Аллаху, ибо люди могут не увидеть, чем можно искутиться и впасть во грех, тем самым отвергнуть Его». И малейшее отступление от этого правила, которое не удалось оправдать, могло повлечь за собой расплату, в виде пяти ударов дубинкой по спине или оплатой штрафа.

Порой нельзя было определить, кого осуждали, а кого – нет. Однако своих людей горожане отличали даже по походке и могли сказать, откуда прибыл человек, из какого региона Эмиратов, но в этом случае большинство людей впадали в ступор.

Два человека медленно шли по улочкам города размашистым шагом. Такой шаг не был приемлем для обычной походки, так как утверждён Проповедью-112 второго Верховного Муфтия, как «шаг, приемлемый для спешки». Пара мужчин, облачённых в обычные восточные одежды, вроде которых носят в пустынях, совершенно не понимая, что они нарушали «Правило светских одеяний в городах, установленное Проповедью-67 восьмого Верховного Муфтия». Исходя из вида, похожие на остальных, они становились белыми грачами посреди чёрных ворон. Большинство горожан ходили в белых, серых, бежевых или подобного оттенка одеяниях. Мужская одежда жителей мегалополиса представляла длинную тунику, из-под которой выступали специальные монокромные брюки, укрывавшие чёрные туфли. Женщины же все поголовно были облачены в хиджабы, скрывающие всё. Даже глаза были покрыты специальной полупрозрачной тонированной плёнкой, а руки укутывались в чёрные перчатки. Всё это предпринималось, чтобы «Сократить женское искушающее тело, дабы не допустить умозрительного греха, который разовьётся в сознании» – как сказано в Проповеди самого Ислам-Халифа, а иначе – высшего религиозного лица в государстве.

Ну а «белые грачи» оделись настолько несуразно для местного колорита, что могли вызвать подозрение у полиции, обычных горожан или «Младших Кади». На двух мужчинах висит и трепыхается при каждом шаге белая довольно мешковатая куртка, подпоясанная кожаным ремнём, которые покрывался широким красным платком, шаровары, уходящие под высокие сапоги и пустынный капюшон, с лицевой маской. Оба одеяния имели белоснежный цвет, подобно многим туникам мимо них проходящих. Вся соль заключается в том, что подобная одежда дозволялась только пустынным торговцам, которые в Мекке не появлялись или были там очень редко и такой вид вызывает только перешёптывания за спиной и удивлённые взгляды. Но мужчин это не останавливает, и они идут дальше, стараясь не замечать груза подозрительных взглядов, уставленных на них.

– «Гнездо», сколько ещё до цели? – прозвучал вопрос, заданный в мини-микрофон, скрытый под пустынным капюшоном.

– Вы уже устали? – прозвучал вопрос, искажённый в сарказме.

– Послушай, если бы не ты... Морс... – с холодным упрёком уже начиналась перепалка.

– То, что? Вы бы ещё десяток лет провели в бесконечных поисках по всему миру... успокойся Тит и следуй цели, – спокойно ответил голос из рации. – Через сто метров повернёте направо.

– Тише, Тит, – полилась холодная речь от соседа рядом. – Ты только раскроешь нас, а мы и так как бельмо здесь.

Но восстановленный в звании брат-лейтенант, пребывая в холодном спокойствии, не мог не возмутиться тому, что происходит. Три дня назад было названо место укрытия той девушки, которая может повлиять на всю обстановку в Автократорстве, что не могло не вызвать всеобщее ликование. Но место оказалось зашифровано так сильно, такими по истине удивительными системами защиты, что после его дешифрации половина информации повредилась, а ещё половина как оказалась завуалирована в виде стихов:

«На востоке, где царит власть абсолюта, где земля пустынна

Есть надежды нить, свет судьбы, там власть мрака опостыла.

В тех краях опасных для разума свободного

Царит диктат духовенства-государства произвольного

Это место [остальная часть информации повреждена при попытке изъять её из закрытого хранилища]».

Когда эти строки были произнесены в кабинете Магистра, сам Данте выдохнул и склонил голову, а Карамазов чуть не накинулся на Морса в гнев, перейдя к отборной ругани. Но всех поспешил успокоить бывший Верховный Отец, который призывал к размышлению и поиску места, полагаясь лишь на ум и полученные данные. Но на самом деле мест, подходящих под описания оказалось всего три, двое из которых разбросаны по Ближнему Востоку, а третье в самом Автократорстве.

Первое нужно было искать в Аравийских Эмиратах, что славилась своими пустынями и религиозным фанатизмом. Именно здесь в роли абсолюта выступал Утопический Ислам, что стал был и диктатом.

Второе место именовалось никак иначе – Турецкий Султанат, известный ревностным и даже фундаментальным преклонением перед Великим Султаном, даже чих, на публике которого мог восприняться как благословение правителя. Турецкий Султанат был известен ещё как «Пустыня Тысячи Убийц». А получил он своё прозвище от того, что некогда сюда были посланы тысяча убийц, чтобы устранить султана, но правитель их всех поймал и в буквальном смысле высушил на солнце. Диктатом тут явно служит сам Султан.

Ну, третье место веяло радиацией из самой Великой Пустоши, лежавшей на северо-востоке страны Рейх. Она всегда была известна своими радиационными пустынями, которые могли от жуткого накала, созданного войнами древности, сдирать кожу. И именно тут некогда располагался самый значимый Аванпост Империи Экклесиас, который создавался для религиозной обработки жителей центра и юга Балкан перед наступлением первого Канцлера. Именно в этом месте некогда собирались самые религиозные и фанатичные люди со всей Империи.

Услышав так нужную и единственную информацию, высказанную Флорентином и Карамазовым, Данте решил, разделить силы, попросту уяснив, что ораторские способности и связи Тетрархии тут не помогут. Карамазова и Эмилию он поставил работать в паре и отправил в Султанат, а сам с Титом и Морсом отправился в Эмираты.

Их поиски облегчены параметрами дома, который назывался в закодированной базе данных: двухэтажная постройка, выполненная в стиле местного колорита, находящаяся в центре севера главного города. Хотя под такое описание попадало множество зданий на старых картах и тех, что по новее Данте смог обнаружить в каждом месте поисков по каждому схожему дому, как будто их раскидали намерено. Такое поразительное сходство не могло не привлечь внимания Данте, который решил оставить выяснение этого вопроса на потом.

В Мекке команде удалось обнаружить десятилетнее поместье, построенное по заказу одного из пустынных торговцев, который позже бесследно пропал. И эта странность навела на мысль тех, кто искал девушку. Заброшенный дом, который не затрагивается ни светской властью, ни Эмиратской Мечетью и мирно стоящий посреди великого города, словно жизнь обходит его стороной. Слишком странно для того, чтобы быть банальной чредой совпадений.

Внезапно из наушника зазвучал голос, полностью развеявший тишину возле двоих мужчин, вызвав небольшой импульс напряжения, от того, что их в любой момент могут расколоть.

– Когда повернёте направо, вам необходимо будет пройти ещё двести метров.

– Поняли, – тихо ответил Тит. – Можешь в следующий раз не так резко появляться.

– Хорошо, – выдохнул Морс. – В следующий раз буду предупреждать о том, что собираюсь выйти на связь.

Пока они мирно шли по спокойной, улице настал час религиозного таинства. Вокруг двух мужчин медленно начинало царить некое религиозное безумие, которое восходило в свой апофеоз к часу дня, что именовался «Часом Аллаха». Тогда в Мекке вся жизнь останавливалась, и люди прямо на улице, в офисах, в метро, предавались «Великой Молитве». Исключение составляли только работники, названные в Проповеди-321, а именно – лётчики, военные на посту и все те, от кого зависела жизнеспособность страны.

Тит постоянно осматривается по сторонам и видит, что на каждый десять домов приходилось по мечети, которая ведёт постоянную работу и собирает возле себя всех тех людей, которые не были ни чем заняты. Он не знал, что согласно Проповеди-14 – «Каждый благочестивый мусульманин, если не выполняет никакое дело, то обязан пребывать в мечети и совершать намаз, дабы не податься греху лени, пока не найдёт себе дела» и Проповеди-21 – «Для исполнения проповеди-16, на каждые десять домов необходимо создание небольшой мечети в которой люди будут исполнять намаз, а десять домов с мечетью будут именоваться теперь как – Намасзская Десятина, которую возглавляет Муфтий-десятник».

И везде, и повсюду, куда не кинь взгляд, возвышаются прекрасные строения, чьи купола выполнены строго из золота, начищенного до зеркального блеска, отчего буквально вся Мекка светилась, отражая солнечные лучи в пространстве. Ну а от самой огромной мечети, выстроенной возле Каабы, имевшей высоту больше пятисот метров и несколько уровней, исходит такое сияние, что становится глазам плохо, если долго смотреть – начинаешь слепнуть и терять зрение от яркости отражения. От её куполов, облицованных начищенной платиной, исходит страшный блеск, что ослепит любого, кто поймает своими глазами её солнечный блик, попросту опалив роговицу глаза.

Многие аэропорты находились далеко от Мекки, потому что временами такая концентрация отражённого света временами прожигала борта самолётов или ослепляла пилотов, вызывая катастрофы.

Вокруг люди, поймавшие во внимание мечеть или проходящего мимо Муфтия-десятника, начинали свершать Дуа – произвольную молитву, со слезами радости обращаясь к Аллаху, что они увидели «Дом Господень» или «Посланника Его». Те, кого благословил муфтий, могли впасть в такой экстаз, что падали на колени и начинали реветь от радости того, что его «коснулась рука Аллаха».

Многие люди на улицах стараются твердить молитвы, настойчиво шепча их себе, чтобы не отвлекать собрата по молитве. Но, ни одна молитва или говор, если выражались громким голосом, не были слышны из-за того, что везде и повсюду были установлены специальные колонки и граммофоны, через которые без конца на надрыв лились молитвенные речи и гимны религиозных деятелей. У Тита уже начинало уши закладывать того, что у всяких построек, практически у каждой лился этот голос, превратившийся в одну протяжную молитвенную какофонию. Но останавливаться нельзя было, и брат-лейтенант продолжал упорно продвигаться, невзирая на изрядное давление на его слух и душу.

Везде и повсюду двум мужчинам на вид встречались люди, грязные, запотевшие, обливаемые каплями пота и крови, стоящие на изодранных коленях, одетые только в трусы и бьющие себя плетью по спине. Под каждым из этих фанатиков к концу дня образовывалась лужа запёкшейся крови. Их именуют «искупители грехов», которые вводились Проповедью-12, как

обязательные. Они отбирались из числа богатейших семей, как «Дань Аллаху, дабы он через них смог дать искупление грехов народа боголюбимого».

Естественно, всё это вызывает у Тита негодования, которые сталкивались со строгой ментальной выучкой и не давали ему впасть во власть эмоций.

Внезапно они услышали воззвания сзади себя, словно их кто-то окликнул. Тит, как и Данте, знал арабский, но очень слабо, а возглас явно прозвучал на неоарабском.

– Стой, – практически шёпотом сказал Данте своему напарнику. – Медленно поворачиваемся.

Тит и Данте увидели, как к ним подходит человек, облачённый в красную тунику и алые штаны, которые прикрывали кровавого цвета сапоги. В руках он нёс довольно толстую книжку, одним ударом которой можно раскроить череп, если ударить довольно сильно. Позади него шаркает шароварами ещё три человека, облачённых в туники чёрного цвета и имевшую подобную стилистику.

– «Младший Кади», – Сказал Титу Данте, объявив, кто это может быть.

– До дома ещё пятьдесят метров, почему остановились? – прозвучал возмущённый голос в наушнике, но в ответ ему было лишь молчание.

– Именем Аллаха, здесь запрещён такой быстрый шаг, – По-неоарабски начал «Младший Кади». – Куда вы так спешите?

– На совет пустынных торговцев, – чётко и практически без акцента ответил Данте, но у судьи уже закрались подозрения. – Он должен вот-вот начаться, так прошу нас позволить идти дальше.

– То-то я раньше вас не видел в своём районе. И никто ещё тут не нарушал священных правил, установленных господом, которые кто-то смеет преступить, – гневном разошёлся «Младший Кади».

– Простите, но мы спешим на собрание торговцев, – всё продолжал твердить Данте, соблюдая такую же хладность в голосе.

Внезапно глаза младшего судьи расширились, и он поспешил упасть на землю, став произвольно совершать намаз, так поступили практически все те, кто был на этой улице. Люди выбегали из магазинов и падали к асфальту Мекки, который именовался священным. Люди останавливали машины и прямо на дороге совершали моленные действия. Через несколько секунд, в мновение ока всё захлестнула волна намаза, сопровождавшаяся бесконечным молитвенным гулом, вперемешку с издаваемыми всхлипами и слезами радости, которые слились с голосом из граммофонов и колонок, став одним медитативным воззванием к Аллаху.

Данте обернулся и увидел, как на него и Тита длинным жезлом, увенчанным полумесяцем, указывает высокий человек, мужчина в специальном балахоне, ушитом золотом и серебром, увешанного драгоценными камнями, отчего он весь светился, излучая отражённый свет.

– Почему ты не преклоняешь предо мной колени! – разразился гневом человек. – Разве ты не готов подчиниться тому, кто есть «рука Его на земле»?

– Так кто ты? – спросил наигранно Данте.

– Я есть главный Имам северного региона Мекки. И все мои слова есть слова Аллаха! А вы всего лишь чужаки, пришедшие сюда в овечьих шкурах, чтобы свершить срам на нашей земле. Во имя меня любая живая тварь готова отдать жизнь, ибо сам Аллах наделил меня такой властью.

И в подтверждение сказанного он поднял одного человека, которые неистово совершал молитву и приказал ему «Отдать жизнь во имя Его», призвав к ритуальному самоубийству. Человек попросту снял с себя ремень и затянул его у себя на шее...

– Видишь, если бы мои слова, не были словами Аллаха, то этот человек не посмел бы совершить самоубийство.... Я есть власть Его на земле, и ты, чужак, обязан немедленно преклонить передо мной свои колени, иначе тебя постигнет справедливая кара Господа нашего!

Данте надоела эта бессмысленная беседа, и он решил пойти на рискованный шаг. Их всё равно раскрыли. Он мгновенно оценил опасность, выискивая все возможные пути действия. Магистр уже понимает, что их раскусили, раскрыли и всё зависит от того, как себя поведёт этот Имам. Именно от его действий сейчас зависит секундный исход целой партии.

Воздух, словно замер, обернувшись в раскалённые дыхательные массы, которые невозможно втягивать в лёгкие. Всюду слышен только молитвенный гул, ужасно давивший на уши, а где-то вдалеке уже звучат сигналы полиции шариата, и Магистр решил пойти на самые радикальные меры.

Данте глубоко вдохнул и почувствовал, как его лёгкие обжигает воздух, но, тем не менее, он вытащил из одежд чёрный пистолет и открыл стрельбу. Плонувший свинец разом оставил лежать на земле «Младшего Кади» и его помощников, так как они представляли первостепенную угрозу. Затем он направил дымящееся дуло на Имама и снова прозвучал треск двух выстрелов. Но испугавшийся священнослужитель не готов был умереть во имя веры и сам дал дёру, причём укрывавшись за спинами своих фанатиков, которых пули косили как траву на сенокосе.

– Трус! – крикнул вдогонку Тит.

– Что у вас случилось?! – Затрещало в наушнике.

– Мы проревемся! Высылай за нами эвакуационную группу через десять минут в точку альфа, конец связи! – крикнул Тит и оборвал связь.

Данте и его напарник знают, что сейчас необходимо делать, а поэтому всё дальнейшее произошло без слов и взаимных команд. У них в поле зрения уже был тот самый дом, который раскинулся от них в пятидесяти метрах, ставших маршем испытаний.

Народ в панике стал разбегаться, а впереди по улице уже останавливаются машины полиции, откуда стали выходить хорошо вооружённые люди. Улица постепенно проваливается в объятия паники. Спустя минуту три машины уже становились на пути, образовав импровизированный блокпост, собранный из автомобильной жести и живой силы, которая сгинет в первую очередь.

Тит вынимает из-под мешковатой одежды небольшой плазменный обрез – эпохальное оружие Великой Европейской Ночи. Его ручка выполнена из дерева, а вот место для поддержания из металла и снабжалось мощной камерой охлаждения. Брат-лейтенант вынул два патрона внутри, которых плавают синеватое вещество, скрытое под специальным металлическим корпусом, способным выдержать температуру плавления в три тысячи градусов. Но сами снаряды быстро и со временем выходили из строя, а потому они готовились перед самым боем.

Тит быстро зарядил обрез и встал позади своего Магистра, вооруженного пистолетом с лазерным наведением и имевшим целых два магазина, укрывшись за углом здания. Один подствольный, для фосфорных пуль, а другой для обычных.

– Ты готов?

Даже во время операции, от которой зависит будущее и их жизнь могла оборваться в любой момент, речь Данте звучит, как нельзя холодной.

– Да, – последовал короткий ответ, что ознаменовал начало боя.

Магистр подался из-за укрытия и начал продвижение, удерживая в руке пистолет, вызвав огонь на себя. Он сразу же сделал два выстрела, пробившим грудь одному из полицейских, затем ещё один, который уложил следующего противника. Но буквально пара метров и Данте с Титом пришлось укрыться за одним из автомобилей, что б, ни попасть под шквальный огонь двадцати пяти оставшихся стволов. Вокруг были только одноэтажные виллы и автомобили с фонарными столбами, и никаких военных укреплений, за которыми можно было бы переждать вихрь пуль, повисший над головами свистящим роём.

Внезапно открылась дверь одной из вилл, и в ней показался человек, в привычной для этих мест одежде, вооружённый карабином, чьё дуло направлялось на двух мужчин, укрыв-

шихся у автомобиля. Но Тит сработал быстрее, чем слуга Эмиратов. Спуск крючка, громоподобный залп и ряд светло-синих пучков роем устремился к вылезшему мужчине. После оглушительного выстрела из обреза не подалось дыма, ничего, кроме двух гильз, которые выходили сразу после выстрела, чтобы не расплавить дуло. Но и криков противника никто не услышал, ибо вся его голова и верхняя часть тела просто испарилась в адском шквале плазменного ада. Запечённый кусок мяса просто рухнул на землю, выронив оружие, превратившись в мусор.

Тит «сломав» обрез и вытащил две капсулы, в которых содержался патрон, что со звоном упали на землю и тут же погрузил новый боеприпас. Данте тем временем достал свето-шумовую гранту, со звоном выдернул чеку и метнул в сторону врага. После металлического звона улицу накрыл пронзительный и нестерпимый до крови в ушах писк, парализовавший действие полиции, чем и воспользовались атакующие.

Данте, переключившись на фосфорные снаряды, устремился в бой, прикрываемый Титом. После первого же выстрела четверо дезориентированных полицейских, державшихся за уши и глаза, обратились в пылающие белые факелы. Ещё выстрел и уже пятеро «стражей порядка» вопят от боли и химических ожогов. Но оборона быстро опомнилась и снова встала у машин, ведя кучный обстрел по укрытию Магистра и брат-лейтенанта вставшим на этот раз стеной чей-то виллы.

Бетон от стены начал постоянно плеваться крошкой, а пули всё ближе и ближе подбираться к цели. Тит тем временем удерживал тыл и фланги, периодически выжигая тех, кто решил помочь полиции.

Вся улица наполнилась звуками стрельбы, став привлекать уже внимание армии, что было просто ужасно, а в раскаленном воздухе уже завита запах пороховой гари, жженого мяса и смерти. До цели оставалось двадцать пять метров... недоступно далёкие метры.

У Данте оставался один фосфорный патрон, и он знал, как его использовать. Высунувшись из укрытия, но, ни одна пуля не коснулась его, на секунду он дал залп и белый пучок устремился в борт машины, проплавив его. Тут же прогремел мощный взрыв, разметавший остатки обороны и клубы чёрного дыма чёрным грибом устремились ввысь.

– Быстрее, – без эмоций скомандовал Данте, и они побежали, а точнее – рванули со всех ног, к зданию, окружённому стеной.

Возле них лежат обгоревшие трупы полицейских и мирных жителей, испачкав улицы своей кровью и углём створенной кожи, на чьих лицах навечно застыла гримаса боли и страха, но, ни Данте, ни Тита это не беспокоит, и они спокойно пробежали через поле выжженных трупов.

Брат-лейтенант, подбегая, дал залп из своего обреза в замок, и он буквально расплавился с куском самой деревянной двери, которая стала ничем не лучше угольков. Затем Данте просто снёс эту дверь с петель, когда вбегал, но дальше была лишь досада, ударившаяся по Титу тяжким разочарованием.

Внутри двор выглядит абсолютно запустевшим: везде поросла сорная трава, а тропинки давно заросли всякими сорняками. Сам дом пуст. В нём отсутствовали окна, и внутри было видно, что внутри царит абсолютное запустение, словно за фасадом дома даже ничего не строили. От постройки был лишь остов и наружные стены, как будто это был макет, поставленный сюда для шутки, колючей издёвки.

– Отбой операции. Цели здесь нет, – передал Данте по защищённому каналу, инспектору.

– Вас понял, ждите, через полминуты должен подлететь вертолёт, погружайтесь туда и сваливайте из этого проклятого места. Надеюсь, в Султанате всё получится.

А тем временем в километре от места, где состоялась небольшая битва, северный Имам, укрывшись в собственном автомобиле, приложив специальное устройство, больше похожее на тонкую пластину, которое было телефоном, доносит о происшествии союзникам:

– Это вы, наш собрат по единобожии? – доносится голос из трубки.

– Да, – прозвучал холодный, полный злости голос, какого чёрта у меня были те, кого вы ищите. В священном городе Мекка они сами кого-то искали и принесли срам, великий срам на нашу землю, покусившись на меня. Я прошу вас обратить на это внимание, дабы в будущем пресечь подобные инциденты!

– Ох, спасибо, – Как-то по безумному слащаво зазвучал голос из трубки. – Автократорство благодарит вас за эти сведения, мы установим полный контроль над границами и непременно засечём их, когда они войдут в них, и отследим этих ренегатов.

Глава восьмая. Султан милостивый

Этим временем. Новый Стамбул. На востоке пролива Босфор. Турецкий Султанат.

Клинок Карамазова сверкающей на солнце вспышкой прошёлся по горлу противника, раскроив его. Солдат, облачённый в униформу Гвардии Султана держась на окровавленное горло, упал на за прохладный пол недостройки. Алая жидкость из раны залила багровую форму человека, который без сожалений пошёл на смерть, чуть испачкав плотный чёрный доспех мужчины.

Бывший инквизитор отступил на два шага и сделал пару выстрелов из пистолета, стилизованного под оружие восемнадцатого века. Звук пистолетного треска и гвардеец Султана был остановлен прямо у самого входа в помещение. По его алой униформе потекла обильно кровь, залившая всю одежду.

В то же время Эмилия, в прочном облегающем серо-чёрном костюме и берцах, своей филигранной рапирой, выкованной из титановольфрамового сплава, и заточенной на молекулярном уровне сдерживала наступление противника у противоположного входа одноэтажного недостроенного здания. Её рука, удерживая оружие, то и дело с особым изяществом обрывала жизни тех, кто решил помочь Гвардии Султана, выйдя против них с примитивным оружием. Удар за ударом она марала жёлтый платок, перекинутый у шее. В другой руке она крепко держала пистолет с футуристической конструкцией. Стальная ручка и подложка удерживали на себе раздутый баллон, который сделан из блестящей начищенной меди, и из задней части пистолета к нему подходило несколько трубок, а заканчивался он довольно широким дулом.

Одетые в алые мундиры – красные укрепленные кожаные сапоги, багровые кафтаны, усиленные встроенными пластинами металлического сплава и головным убором с высоким пером цвета кармина, гвардейцы Султана, вооруженные удивительными алебардами, представлявшими оружие ближнего боя со встроенным автоматом, продолжают наступление, желая выдавить врагов «Его Великилопнейшества» и принести благую весть Султану о своей победе.

Карамазов поставил блок, и сталь его клинка лязгнула об металл алебарды, выдав сноп искр, который разлетелся фонтаном по помещению. Воин Султаната тут же отпрыгнул и нацелил алебарду в грудь бывшему инквизитору и выстрелил. Пули со звоном ударились об броню и посыпались на пол, усладив слух своим бречением. В ответ Карамазова нацелил на противника пистолет и попытался выстрелить, но не успел. В лицо солдата Султана тут же с рёвом прилетел сгусток черноватой жидкости, ознаменовавший своё попадание звуком смачного шлепка. Гвардеец взялся за лицо и истошно взревел, а уже через несколько секунд упал на пол и упал замертво. Карамазов заглянул в лицо своему противнику, но увидел лишь куски угля и выжженной кожи.

В другой стороне помещения стояла Эмилия, удерживавшая свой дымящийся пистолет на вытянутой руке. В благодарность мужчина в одно мгновение направил свой пистолет в её сторону и сделал оглушительный выстрел. Пуля угодила точно в место крепления алого пера, прошив насквозь голову гвардейца, и брызнула мозгом из затылка. Противник, уже занесший алебарду, с опустошённым магазином, над девушкой, покачнулся и упал замертво на спину, распластав конечности.

Ответ девушки выразился в широкой улыбке, которая продлилась менее секунды, ибо ситуация требовала максимального сосредоточения и не момента упущения.

Карамазов встал у окна небольшой одноэтажной постройки. Впереди виднеется лишь заброшенный двор, в котором остался фундамент от старого строительства, выступавший на свет кусками, линиями бетонных заграждений. Среди этих линий и ложились гвардейцы Султана, начав обстреливать из своего экзотического оружия полуразрушенный дом. А когда у сол-

дата кончались патроны, он бросался в самоубийственную атаку, решив «Умереть ради Великолепнейшего Султана и родины».

Красным ковром гвардейцы заполняли весь двор, всё пространство возле заброшенного здания, территория которого была окружена бетонным забором в виде огромных плит.

Бывший инквизитор присмотрелся к положению и сорвал с пояса детонатор. Всё шло так, как он хотел, и гвардейцы легли туда, где, как они считали безопасным. Карамазов активировал детонатор, и многие места во внутреннем дворе с его стороны начали безумно фонтанировать чёрной липкой жидкостью, которая покрыла склизкой и вонючей бурой пеленой практически всех противников. Затем устройства, которые изливали вещество подобное нефти дали искры. Через секунду практически всё пространство заполнилось огненным приливом, что адской волной нахлынул на боевых слуг Султана. Крики агонии и боли наполнили пространство, разодрав его своей жуткостью. От каждого возгласа стынет кровь в жилах, а десятки неистово вопящих воинов внушали такой ужас остальным, что наступление было попросту сломлено, как и дух наступавших.

Такую же операцию со своей стороны произвела и Эмилия. В этот же момент три десятка гвардейцев Султана истошно заорали, став бежать от боли туда, куда могли, ознаменовав душе трепещущей агонией провал первого атаки на дом. И шестьдесят гвардейцев, штурмовавших дом, обратились в пылающие факелы, практически обернувшись за считанные секунды в уголь. Запах боевого пороха был абсолютно сменён запахом горелой плоти и пылающих химикатов.

Карамазов в это время испытал приступ жуткой душевной боли, от которой за время службы в Инквизиции отвык, хотя навыки возвращаются быстро. Он, издав лёгкое стенание, опёрся на окно, чуть ли упав, чувствуя далеко не терзание души, а неприятное ощущение у груди – выстрел, хоть и не пробил панцирь, доставил страдание.

– Что с тобой!? – взволнованно крикнула Эмилия и подбежала к человеку, который за последние дни стал ей едва небезразличен, что довольно странным нашёл Данте. – Ты не ранен?

Её ласковая рука коснулась плеча мужчины и, почувствовав тёплое прикосновение мужчины выправился во весь, едва не рухнув от ударившей по всему торсу боли, рост и убрал клинок в ножны.

– Всё? Выходить можно? – прозвучал голос, наполненный испуга, издавшийся из угла.

– Выходи, – практически рыком ответил Карамазов. – Выползай, зараза! У нас есть ещё несколько минут передышки.

Парнишка, лет двадцати, арабской внешности, чернявый, с карими глазами, одетый в классический костюм, встал рядом Эмилией, облачённой в броню солдат Полк-Ордена, превосходя её ровно на две головы.

На бывшего инквизитора тут же набросились воспоминания, как за последние двадцать минут они оказались в этой передрыге. Всё началось с того, что Карамазов и Эмилия, ведомые наводчиком из ордена Лампады, продвигались к объекту.

Новый Стамбул стал воплощением абсолюта всей идей Султаната, а точнее её полной тоталитарности. Город жил в тени величия Султана, в буквальном смысле. Огромный дворец, уходящий в высоту не менее чем на семьсот метров, в диаметре оказался все четыре километра, покрывая тенью практически весь город, что раскинулся возле него и жил только для него. Но на строительстве великолепного и монументального дворца погибло двести тысяч человек, возведя его примерно за два года, что преподносилось не иначе, как «Слава и величие детей всеми любимого Великолепного Султана». Дворцовый комплекс состоял из множества серых построек, окружённых прудом, больше похожим на огромное озеро.

Повсюду и везде висели плакаты с изображением верховного правителя. И если человек посмеет выдать неправильный жест возле этого изображения, то подданного могли арестовать на месте и предать тут же суду, за то, что он «Оскверняет священное изображение благословенного правителя».

Люди трепетали перед теми, кто именовал себя Гвардия Султана. Это были элитные подразделения солдат, ставшие «инструментом воли Его Превосходительства». Им была вручена привилегия арестовывать, вершить суд и карать прямо на улице.

Всё в стране, все сферы жизни, определялось не изданными законами, а «Откровениями Султана», которые были не просто законами, а священными правилами, которые необходимы для строжайшего соблюдения. И кто преступит подобное откровение, предавался жестокой прилюдной каре, в виде избияния стальными прутами или более быстрой казнью, ибо «Нарушение установленного правила, есть преступление против слов Его».

Большинство людей в стране отдавали практически половину дохода в Фонд Султана, несмотря на то, что ещё и уплачивали десяти процентный налог. А каждое воскресенье подданные обязаны были отдавать половину своей пищи нищим, так как это «Радовало Его Святейшество». А всякую субботу в храмах, ставших собственностью Султана, люди обязаны были поставить свечку или свершить молитву «За здоровье и счастье Правителя, ибо Он стоял подле Господа, став его правой рукой». Те, кто этого избегал, подвергались повешению, при этом объявлялись «Врагами Султана и его родины».

И всё это было лишь частями из длинной вереницы того, что необходимо было сделать для того, чтобы «Умилостивить Великого Правителя».

Но, несмотря на такую жестокость и сумасбродность все выражали почтение и безграничную фанатическую любовь к Султану, со слезами радости исполняя всё то, что им положено, ибо «Всё принадлежит Ему, и чтобы умилостивить Его, сделать более Его курс более точным им верным, необходимо отдавать Султану всё, что он пожелает».

И идя по городу, который пребывал в фанатическом экстазе от того, что проживает рядом с «Величайшим Правителем», Карамазов и Эмилия, накинув на себя красные махровые плащи, нарвались на сцену: юноша, облачённый в классический костюм, что не присущ для местного колорита. Парень что-то не поделил с гвардейцем и стоял с ним активно спорил. В конце концов, солдат просто направил алебарду в паренька и спустил затвор. Но Карамазов сработал быстрее. Выстрел из пистолета перебил локтевой сустав, и солдат попросту выронил своё оружие и взревел. Юноша тут же метнулся к ним и попросил его укрыть, и с этого момента и понеслась чехарда.

Трое прорывались через город, всё дальше уходя от пункта назначения и продвигаясь к старому недостроенному зданию, в котором бывший Верховный Инквизитор устроил убежище на случай того, если что-то пойдёт не так и чувство справедливости или удача подведёт его, загнав в угол.

– Вы знаете, что будет если вы меня спасёте? – горделиво заявил парень, оборвав все воспоминания своего спасителя. – Я сын самого Султана и он вас озолотит, когда всё узнает.

– Так почему же тебя не узнала Гвардия? – возмутилась Эмилия.

– Я был без специальной печати, забыл её во Дворце, когда вышел пройтись. Да и костюма на мне не было, – слегка опустив свой лик, ответил парень. – Решил по-простому выйти в народ.

– Надеюсь, ты говоришь правду, и твой отец не оторвёт нам головы за то, что мы устроили бойню в рядах его Гвардии. – Тяжко ответил Карамазов и подался посмотреть через окно и секундами позже строго и порывисто вымолвил, – уходи в укрытие, парень, а ты Эмилия готовься.

– Что там? – спросила девушка, приготовившись использовать оружие.

– Второй раунд, – холодно дал ответ мужчина и приготовился к бою. – Защищай свой участок. – Сказал напарник и затем более ласково добавил. – Только будь осторожнее, прошу тебя.

– Хорошо, дорогой мой, – игриво ответила Эмилия и обнажила сверкнувшую рапиру. – Я искренне уповаю, что мы выживем сегодня.

Внезапно в динамик у уха зашипел и из него, прерываясь статикой и помехами полился голос:

– Господин Карамазов, что случилось? Мы засекаем возле вас множественные сигнатуры. Не менее трёхсот целей.

– Аметист-2-1, операция на грани срыва, нас зажали в угол. Нам нужна поддержка. Отправляйте её по тем координатам, где засечёте сигнал.

– Есть, поддержка будет через пять минут. Конец связи.

К зданию пожаловали ещё сотни Гвардейцев Султана, которые получили приказ захватить постройку любой ценой, несмотря на любые потери. Люди, облачённые в красное обмундирование, словно кровь из раны, под чёткие и громогласные команды, хлынули во внешний двор, став образовывать стройные порядки, взяв точку обороны в плотный квадрат.

Через минуту они выстроились плотным строем у дома, поставив алебарды у правого плеча, не став их возводить в боевое положение, словно ожидая нечто того, что должно закономерно случиться.

Сквозь стройные ряды прошёл высокий и крупный мужчина, при виде которого солдаты вытянулись ещё сильнее. Он облачён в золотую, но довольно простую по своей отделке броню – всё её черты напоминают воина, сошедшего со страниц древних легенд, так же гравировка на некоторых пластинах доспеха отдалённо веет мотивами пера.

Доспехи воина представляют собой высокие сапоги, крепившиеся к наколенникам, которые в свою очередь поддерживали щитками, защищавшими четырёхглавую мышцу. Грудь была покрыта золотой пластиной с изображением полумесяца, перекрещённого с клинком. Пресс же закрывало пластинчатое бронирование, где пластины шли внахлест друг на друга. Руки закрывались такими же сверкающими золотыми пластинами, которые уходили под латные перчатки. На шее прекрасного воителя крепился пурпурный плащ, сотканный из дорогого шёлка. Шлем на великолепном бойце отсутствует.

Станный, но в то же время великолепный воин имеет довольно приятные смуглые черты лица, которые, то и дело пропадали в свечении и отсветах его брони, а роскошные длинные волосы зарываются под броню.

Мужчина поднёс руку к горлу, специально подкашлянул и тут же полился певучий и приятный, словно музыка ангелов, голос:

– Я командир Гвардии Султана, хранитель Стамбула и Земной «Ангел Страны», приказываю вам сдаться и сложить оружие, только тогда вас постигнет справедливый суд Его. Вы будете осуждены по делам своим и по мере закона!

У Карамазова нет времени на всяческое рассуждение, он должен действовать моментально, чтобы ещё спасти операцию и дать хотя бы девушке уйти от гнева Султана.

– Эмилия, – воззвал напарник.

– Да? – чуть волнуясь, спросила Эмилия, понимая, к чему сейчас будет клонить бывший инквизитор. – Что же тебе понадобилось?

– Оставайся здесь и охраняй парня.

– Ты уверен? – с дрожащим голосом спросила девушка, явно не желая отпускать мужчину во двор.

– Нам их не удержать, врагов слишком много. Я просто постараюсь выиграть время до прихода помощи, – спокойно ответил Карамазов и приблизился к девушке, стуча каблуками по деревянному настилу пола.

Под сильное биение сердца, отзывавшееся слабым глухим стуком в ушах, Карамазов выдавил из себя фразу:

– Только осторожнее, прошу тебя Эмилия.

– Почему ты так обо мне волнуешься? – смутилась девушка. – Мы просто воины, солдаты своего повелителя, живущие, сражающиеся и умирающие во имя великой цели. Мы просто инструменты праведной воли, почему ты так взволнован?

Карамазов помедлил, после чего неохотно, но в тоже время взбудоражено дал ответ, содрогаясь голосом и сокрушаясь душой:

– Ты для меня больше, чем солдат. Ты вернула меня к жизни в тот момент, когда я думал, что всё кончено. Я не хочу, Эмилия, чтобы с тобой что-то случилось.

Взгляд серебряных глаз девушки сделался максимально смущённым и растерянным, она банально не знает, как реагировать на подобные слова. Каждая мысль вязнет в горле, не доходя до языка и зубов, но мужчина её прерывает, касаясь плеча и ступая назад.

– Прости, мне пора. Побереги себя.

После чего мужчина тяжело выдохнул, вынул сверкающий клинок и двинулся навстречу судьбе, которая вызвала к нему, ждала за порогом разрушенного здания. Как только Карамазов переступил проход дома, то в ту же секунду, словно в одно движение с идеальной синхронностью была наведена сотня стволов, способных за пару секунд сделать из него просто месиво.

– Ты вышел сдаваться? – по-турецки спросил золотой воитель.

– Нет, – мрачно и на том же языке ответил Карамазов и убрал пистолет в кобуру за поясом. – Я вышел, чтобы сразиться с тобой. – Добавил бывший инквизитор и припустил свой клинок к земле, встав в боевую стойку.

– Что ж, ты не оставляешь мне выбора, – печально сказал великолепный воин и тут же сделал пару движений рукой.

Гвардия Султана вокруг встала в обычный строй, убрав алебарды и расступившись перед высоким мужчиной в алом кафтане, который вынес Хранителю Стамбула его клинок. Воин аккуратно взял его и обхватил двумя руками, встав в боевую позицию. В это же мгновение двухручный ятаган засиял на солнце подобно яркой звезде востока. Но этого было недостаточно, и командир Гвардии нажал кнопку на ручке драгоценного клинка. Меч тут же заиграл потоками энергии, что кутали его словно паутина.

– Мой меч – закон, я его хранитель, – сказал золотой воин и пошёл в атаку, предварительно скинув с себя плащ.

Когда кусок пурпурной ткани упал на землю, то стал виден небольшой плоский горб на спине хранителя Стамбула и Карамазову сразу стало ясно, что его броня не просто красивые пластины металла это продвинутый экзоскелет, дающий неоспоримое преимущество в бою.

Первым удар нанёс взмах хранитель. Его клинок прошёл в сантиметрах от брони бывшего инквизитора, который уклонился от скоротечного удара. Шипящий энергией меч ударился о землю, отколов несколько кусочков бетона.

Карамазов ответил тем, что попытался нанести колющий выпад в живот опасному врагу, но его сверкающее лезвие угодило в пустоту. Затем инквизитор отразил мощный и быстрый удар, направленный ему в шею, поставив блок, когда два клинка столкнулись, на землю посыпался сноп искр, забрызгавших бетонные остова. Неестественная сила экзоскелета заставила Карамазова упасть на одно колено под тяжестью механической силы, но он сумел юрко выйти из-под удара и вражий меч вновь перепахал землю.

Инквизитор со всей силы нанёс рубящий удар в живот врагу, оказавшись сбоку от него, но скорости реакции врага хватило, что бы лезвие прошло мимо, разрезав воздух, а в тоже время золотой воитель направил ему сверкающее лезвие в ноги. Карамазов успел подпрыгнуть, и сверкающий меч пронёсся под ним, но хранитель Стамбула не думал останавливаться. Он тут же вывел меч в рубящее положение и со всей силы нанёс удар плашмя, расплющив кусок бетонного остова, разметав бетонную крошку – Карамазов в последние секунды успел отойти назад, и острое, гудя от энергии, пронеслось в сантиметрах от его носа.

Карамазов в эту же секунду сделал выпад, но противник успел выпрямиться и в процессе этого ещё увернуться, отойдя в сторону. Золотой командир отошёл в бок и уже он на этот раз сделал замах мечом в торс своего противника. Бывший инквизитор не успел отойти и рефлекторно выставил блок, и это было единственным, что его спасло от рассечения надвое. Два клинка встретились в ударе, и оружие Карамазова еле как остановило напор, интенсифицировавши ятаган в миллиметрах от своего корпуса.

«Ангел-на-земле» мгновенно высвободил левую руку и за доли секунды уже сжал её на шее своего врага. Послышались стенания и всхлипы буквально висевшего мужчины, который сдаваться не собирался. Карамазов освободил от блока руку и направил свой меч в открытое место доспеха. Острый и сверкающий, наточенный клинок инквизитора, выполненный в стиле длинного оружия, имевшего закрытую гарду, направился прямо в лицо врагу, который понял опасность, но опоздал.

Холодная сталь рассекла щёку и прошлась через бровь, выкосив так же и часть волос. Золотой воитель отбросил Карамазова и отошёл на пару шагов, взявшись за ранение. На золотой перчатке оказалась алая и густая кровь.

– Ты ранил меня! – воскликнул командир Гвардии и встрепенулся плечами, вновь обхватив своя ятаган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.